

Кому я должен? Часть 1

Автор:

[Алексей Телышев](#)

Кому я должен? Часть 1

Алексей Телышев

Библиотека классической и современной прозы

Как много вопросов мы задаём себе в жизни, больших и маленьких, важных и не очень, нужных и лишённых всякого смысла?... А задавались ли вы когда-нибудь вопросом «Кому я должен?»

Главный герой книги, которого зовут Алексей, пытается понять, насколько реальны и прочны взаимоотношения с окружающими его людьми, решает провести эксперимент: выяснить, кому он должен. Причем не просто должен, а должен по-настоящему, по жизни. В число потенциальных «кредиторов» попадают родственники, друзья, одноклассники, коллеги, соседи, попутчики, коллеги коллег, друзья друзей, родственники родственников, попутчики попутчиков, а также миллионы людей, которых главный герой никогда в своей жизни не встречал, братья наши меньшие, вымышленные персонажи книг и даже Бог. Алексей начинает брать у всех деньги в долг, стремясь поставить собеседников в такие условия, при которых им легче отказать ему в просьбе. Постепенно это превращается в навязчивую идею.

Что из этого выйдет и к каким мировоззренческим выводам придет главный герой, уважаемый читатель сможет узнать из настоящей книги.

Алексей Телышев

Кому я должен? Часть 1

(основано на реальных событиях)

© Алексей Телышев, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов, поэтов и прозаиков, 2019

Предисловие

Просящему у тебя дай и от хотящего занять у тебя не отвращайся.

Евангелие от Матфея, 5:42

Мне кажется, что каждый рано или поздно должен задаться вопросом: кому я должен?

И если не ограничиваться в определении конкретными финансовыми обязательствами, то список «кредиторов» может получиться весьма внушительным. За свою жизнь мы встречаем сотни, тысячи, миллионы людей. Кто-то просто проходит мимо, не задерживая на себе взгляд, с кем-то мы общаемся, кто-то нам помогает, кто-то мешает. Кто-то думает, что помогает, но на самом деле только мешает. Кто-то старается помешать, но с годами понимаешь, насколько он помог и как ты благодарен этому человеку. Коллеги, соседи, родственники, попутчики, друзья, одноклассники, коллеги коллег, друзья друзей, родственники родственников, попутчики попутчиков – каждому из них мы что-то должны. Должны, может, просто за то, что в какое-то время они были просто декорациями в обозреваемом пространстве. В течение жизни, года, дня или секунды, но они были в нашей жизни и, возможно, за это мы им должны.

Еще есть миллионы людей, которых мы никогда в своей жизни не встречали и, скорее всего, никогда не встретим, но которым мы тоже, возможно, должны. Какие-то лица на экране телевизора в своем большинстве вызывают

разочарование в покупке телевизора вовсе. Но все же некоторые вызывают смех, какие-то фантазии, и совсем немногие все же заставляют задуматься. Конечно, для каждого телезрителя это могут быть разные лица. Я все чаще смеюсь, смотря новости, особенно в России, и очень часто задумываюсь, включая юмористические передачи. Так или иначе, но эти люди стараются для меня, хотят что-то до меня донести. Конечно, большинство из них делают это просто за деньги, но есть и такие, которые именно стараются, именно для меня. Ну как я не могу быть им за это должен?

Из динамика радиоприемника раздаются голоса ведущих, игриво выдающих заезженные шутки. Возможно, им я тоже должен? Хотя нет, им – не должен. Но вот заиграл какой-то рэпчик, и гнусавый голосок, особенно выделяя букву «е» в словах, поведал мне о проблемах подрастающего поколения. Конечно, я ему должен: за этот голос, бесхитростные рифмы и обозначаемые им проблемы. Ведь сколько негодования и одновременно разочарования он во мне вызвал, не считая уже последующих мыслей о неминуемой деградации при смене поколений и неизбежной гибели всего человечества.

А есть же еще люди, которых нет и никогда не было. Да, бывает и так. Вымышленные персонажи, герои книг. Они оживают с каждым открытием книги и умирают всякий раз, когда книга закрывается. (Некоторым персонажам особенно везет, если в этой книге – между страницами – кто-то хранит деньги.) Кому-то из них я тоже должен, даже несмотря на то, что их не существует. А может... Может, я просто должен автору книги? Ведь это он создал своего героя именно таким, каким он мне понравился. Ну нет! Этот автор создал еще кучу героев, за которых я ему не то чтобы не должен, а еще и он должен мне. Так что нет, никаких авторов: я должен именно ему – каждому в отдельности понравившемуся мне персонажу.

А еще есть всякие там братья наши меньшие или большие. Они вроде и не люди, но многим из них мы бываем должны. Верные собаки, независимые кошки, флегматичные рыбки, вымирающие тараканы, грустные лошади. Отсутствие лукавства принципиально отличает их от человека, а природная хитрость, направленная на самосохранение, кажется непорочной. Вероятно, я многим из них должен. Должен за порождаемые ими мысли в моей голове. Мысли о чем угодно, только не о самих этих животных. Но в том и есть их особая заслуга.

Есть еще те, кого мы любим. К кому, как нам кажется, мы привязаны душой и телом; и жизнь даже теряет смысл без их присутствия. Или только ощущение их

присутствия. Или мысли об ощущении их присутствия. Или ощущение мысли об их присутствии. А может, и вовсе не присутствия, а отсутствия? Может, жизнь теряет смысл без их отсутствия? Ведь только отсутствие может породить мысль об ощущении присутствия. И только отсутствие порождает настоящие чувства и эмоции. Или все-таки присутствие?

Ладно, пусть будет поочередно присутствие и отсутствие. Главное, что мы говорим о тех, кого мы любим! Они как призма происходящих вокруг процессов. И люди вокруг, и телевизор, и тараканы имели бы на нас другое влияние, если бы не было любимых людей. Они наполняют жизнь смыслом, расставляют приоритеты, заставляют двигаться и думать, взлетать и падать, умирать и воскресать. Кому, как не им, мы должны все, что у нас есть!

Еще есть Бог. Можно верить в него или нет, это зависит от наличия свободного времени, но Он есть. Он дал нам все, что мы имеем и что просто окружает нас, и потом непременно все заберет обратно, как и нас самих. С легкой руки сотворил за семь дней все то, что годами мозолит нам глаза. Должен ли я Богу? Или достаточно того, что Он попутно сотворил всех тех, кому я теперь должен?

... Совсем забыл. Есть еще банки. Не нужно много размышлять и философствовать о долге перед ними, просто есть бумаги, где написано, что ты им должен. Есть налоговая служба, ЖКО, пенсионный фонд, кабельное телевидение, телефонные компании, детские сады, супермаркеты, автозаправки, страховые агенты – и я всем им должен. И, даже заплатив, я должен им снова и снова. Я должен им каждую секунду, каждый день, каждый год, каждую жизнь. Получая мнимые услуги, мы подписываем бумаги, продавая себя в рабство, ставя на себе печать вечного должника. Должен ли я за все эти блага еще и Богу? Ну нет, это уже двойная бухгалтерия, и это очень похоже на кидалово. Либо все же должен за это Богу, но тогда к черту все эти договора и счета!

Ну ладно, с перечнем потенциальных кредиторов вроде разобрались (больше всего смущают тараканы). Получилось довольно внушительно. Но как определить кому я должен по-настоящему? С банками и прочими счетами вроде понятно. Хотя цифры в этих счетах вызывают во мне еще большие сомнения, нежели долг тараканам, но оставим это на совести с легкой руки эти счета сотворяющих. Сколько я должен друзьям, врагам, прохожим, да просто всем людям, умышленно или нет помогающим мне в постижении смысла бытия, развлекающим меня своим присутствием или просто приносящим бытовой

комфорт? Сколько я должен своим близким и любимым людям? Сколько я могу быть должен каждому, кто ежедневно мелькает перед моими глазами?

Чтобы хоть как-то понять, кому я должен, необходимо сузить круг реальными границами. Для начала отложим всех виртуальных кредиторов: героев книг, лица с обложек или экранов, голоса из динамиков. Тараканы и прочая живность пока тоже подождут. С Богом придется решать вопрос отдельно. Итак, остаются живые люди. Знакомые и незнакомые, адекватные и не очень, богатые и бедные. Я должен найти тех, кому я должен, должен по-настоящему, по жизни. Но как их можно выделить среди прочих? Это же просто: я просто попрошу у всех в долг, а потом верну всем деньги, отмечая тех, кому я действительно должен.

Глава 1. Эксперимент

Итак, целью сего изложения служит необходимость осознания того, насколько реальны и прочны взаимоотношения с окружающими меня людьми; необходимость подтверждения или опровержения таких понятий, как родство, дружба, любовь и прочее. Средство – это эксперимент, суть которого заключается в том, чтобы просто брать в долг у кого попало, тем самым оценивая надежность, перспективность и честность имеющихся взаимоотношений (или же просто способствуя установлению и оценке новых взаимоотношений).

Безусловно, большой вопрос вызывает чистота эксперимента, поскольку нельзя определить его точные исходные данные. У кого брать в долг, сколько, на какой срок? По сути, любой из этих вопросов может целиком влиять на решение о предоставлении долга или об отказе. Не меньшие сложности вызывает формулировка критериев для последующей оценки взаимоотношений. Кто-то готов дать, но меньшую сумму, кто-то – на меньший срок. Кто это будет: недодруг или недоколлега?

К сожалению, должен признать определенную субъективность проводимого опыта. Все исходные данные, как и последующие критерии, устанавливаются исключительно на основе имеющейся у меня информации, моего опыта, знаний и интуиции. То есть я могу знать уровень достатка потенциального кредитора, могу попытаться это выяснить, а могу просто предполагать, исходя из уровня

общения или внешнего антуража собеседника. Также оставляю за собой право на корректировку исходных данных в процессе опыта. Ведь человек может искренне хотеть отдать мне последнее (до начала эксперимента я допускаю все), в то время как я по незнанию попросил в два раза больше. А может, у человека настал тяжелый период в жизни, может, он обанкротился и, готовый вчера мне дать сколько угодно, сегодня уже просит сам. Стоит ли принимать в расчет все эти частности, или надо просто делить все на черное и белое? Конечно, я стараюсь верить в искренность и бескорыстность, верить в желание каждого помочь и дать мне денег. Но эксперимент в этом случае теряет смысл. Редко кто, отказывая, говорит просто «нет». Чаще звучат неубедительные истории и непонятные ссылки на обстоятельства.

И тем не менее необходимо выработать какой-то подход, пусть и субъективный в определенной мере. Совершенно очевидно, что все исходные параметры должны быть неудобными для потенциального кредитора. Это не должна быть сумма, которую он сразу выложит из кошелька (может, даже и не сильно надеясь на ее возврат), но это сумма, которая у него гипотетически должна быть (или сам он может ее одолжить где-то еще). Естественно, что сумма должна определяться не только возможностями кредитора, но и прочностью установившихся взаимоотношений. Понятно, что человек, которого ты видишь первый раз, вряд ли отдаст последнее, что у него есть, а тот, для кого ты что-то значишь, помимо последнего, должен будет еще и сам взять в долг для тебя (в начале опыта я все еще оптимист). Ладно, с суммой примерно понятно.

Теперь что касается мотивации займа. Конечно, удобно и, главное, более продуктивно играть на жалость: кто-то заболел, попал в аварию, угодил в полицию и т. д. Очевидно, нужны деньги: и немалые, и быстро. Но это не совсем правильно. Начиная свой опыт с верой в людей и их светлую сущность, я не могу сам бесстыдно врать. Можно мотивировать заем бизнес-идеями или проектами, но это уже другая история, и она требует иных подходов (а для того, чтобы просить у всех подряд, она вовсе не подходит). Остановимся на том, что я буду просить в долг просто так, по возможности, без объяснений. Для кого-то это может негативно повлиять на решение о предоставлении займа, но на большинство из тех, кто меня знает, это должно повлиять положительно. Дело в том, что я в принципе никогда в долг не брал, жил в достатке, жил по средствам, и в любой, даже кризисный период, я справлялся своими силами (был, однако, кредит на строительство дома, но это о другом). Поэтому, если я имею репутацию финансово стабильного, самодостаточного и независимого человека, сам факт того, что я прошу в долг, должен говорить о том, что ситуация неординарная, деньги реально нужны и мотивация тут ни к чему.

Конечно, что-то придется говорить, поскольку все равно будут вопросы, но я надеюсь отделаться пустыми фразами.

Далее – срок. Срок долга, конечно, влияет на принимаемое решение, но, как мне кажется, в меньшей степени, нежели сумма. Слишком большой срок, скажем, в год и более, не вызовет должного понимания. Для этого есть банки, где любой дееспособный может получить нужную сумму. Маленький срок в день или два может вызвать вопрос о реальной необходимости денег. Интуиция подсказывает мне, что срок должен укладываться в рамки неделя-две. Учитывая многообразие предполагаемых «подопытных», срок, конечно, может существенно меняться, и исключения из правил вполне допускаются.

Итак, правила понятны. Хотя, если вдуматься, правил никаких нет. Я их устанавливаю. Или меняю. Основная задача – максимально напрячь испытуемого. Создать условия, при которых ему легче отказать, чем дать мне деньги. Но тогда кто же мне даст в долг? Без залога. Без гарантий. Без причин. Без мотиваций.

Глава 2. Деньги

Чтобы понять, сколько я должен денег, нужно знать, что же такое деньги в принципе. Существуют традиционные определения вроде того, что деньги – это товар, который является универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг. С другой стороны, вполне понятно, что товар «деньги» сделан чаще всего из бумаги, стоимость которой никак не соответствует указанному номиналу. Значит, это не совсем товар.

Существуют виртуальные определения, что деньги – это некая энергия, проявляемая в форме материального носителя. И каждый человек, обладая собственной энергетикой, способен притягивать к себе деньги или отталкивать их. Этим объясняется кажущаяся придурковатость и безграмотность богатых людей или печальное положение очень умных, но очень бедных неудачников. Безусловно, это очень оригинальный подход и определение, но, к сожалению, оно нераскрытое и недоказуемое.

В литературе можно найти куда более красочные сравнения и определения денег. Деньги – это власть, это секс, это способ выразить свои стремления, выполнить обязательства, добиться отмщения и воздаяния. Многие считают деньги оружием, способным решить любые проблемы и конфликты, восстановить справедливость и победить зло. Но разве деньги не есть зло само в себе? Разве не деньги порождают несправедливость, проблемы и конфликты? Опять противоречие.

Нельзя не вспомнить авторов традиционных экономических течений, тонко подметивших, что деньги – единственный товар, который нельзя использовать иначе, кроме как освободиться от них. Они не накормят вас, не оденут, не дадут приюта и не развлекут до тех пор, пока вы не истратите или не инвестируете их. Люди почти все сделают для денег, и деньги почти все сделают для людей. Деньги – это пленительная, повторяющаяся, меняющая маски загадка.

Так что же есть деньги? Для понимания сего произведения, для понимания меня и моего исходного отношения к деньгам я дам свое собственное определение. Определение всеобъемлющее по сути и уникальное по своей простоте. Деньги – это слово. Если угодно – честное слово. Честное слово человека или группы лиц, объединенных институтом под названием «государство». Мы можем верить этому слову, а можем не верить. И в этом доверии или недоверии содержится вся суть денег, как и в принципе возможность их существования как таковых. Деньги существуют, лишь пока мы в них верим и пока ни один человек не усомнится в их реальной ценности. Мы верим в нереальное, в то, что всего лишь одна цифра, хоть даже и ноль, подрисованная сзади суммы нашего счета, может сделать нас счастливее. И неужели это правда, неужели это работает? Конечно, правда, но только до того времени, пока все в это верят и пока не все научились подрисовывать нули сзади суммы своих счетов. Но есть те, кто это поняли и без зазора совести подрисовали себе этот нолик, в мгновение став счастливее остальных. На время, конечно, потому что вскоре и остальные начнут понимать что к чему и рисовать нули в своих счетах или на купюрах. Тогда уже все перестают верить в этот добавленный нолик, соглашаясь на ценность этой бумажки – точно такой же, какой она была и до этого нолика. В простонародье это называется инфляцией. Это когда самые умные дорисовывают себе нолики и, пользуясь прежним доверием всех остальных к деньгам, скупают на эти нолики (мало того, что просто бумажки, так еще и нолики) вполне реальные ценности, материальные блага, время и труд остальных людей. Со временем все остальные, почуяв подвох и понимая, что их надули, перестают верить в особую силу добавленного нолика, приравнивая ценность суммы с ноликом к прежней ценности. Таким образом, обычно торжествует справедливость. Но опять же

недолго. И, стоит лишь людям вновь уверовать в деньги, уверовать всем своим умом, духом и плотью, как кто-нибудь самый хитрый вновь возьмет фломастер и аккуратно, чтобы другие не заметили, нарисует очередной ноль. И вновь купит на этот ноль материальные блага, произведенные всеми остальными, которые и верят в эти деньги и этот ноль. А еще лучше, если сразу купит самих людей, купит их души, чтобы контролировать их веру – незыблемую веру в этот добавочный ноль.

И все равно мы верим, верим в деньги. А потому поклоняемся им, тщательно оберегаем и, главное, накапливаем. Нет более распространенного коллекционирования в мире во все времена, чем коллекционирование денег. Теперь уже и это коллекционирование упростилось. Обман рисованием дополнительных банкнот и дополнительных нулей на них уже кажется слишком накладным, поскольку все же требует расхода бумаги и краски, поэтому деньги стали просто виртуальными. Какие-то счета, переводы. А главное, все это вроде работает, и за виртуальные деньги можно получать вполне реальные товары и услуги, чему несказанно рад обыватель, уже считая себя задающим в этой игре. Реально же происходит то же добавление или убавление нулей в интересах немногих – с той лишь разницей, что теперь это можно делать еще быстрее и еще незаметней.

И все же иногда жадность тех, кто рисует и стирает нули, превосходит все границы. Тогда простые люди перестают им верить, а деньги начинают исчезать, поскольку, как мы уже определили, они являются не более чем честным словом. Но с исчезновением одних денег появляются другие, поскольку тяга людей к их коллекционированию не исчезает. И если мы не верим одному честному слову, то можем поверить другому и копить бумажки другого цвета. В простонародье их еще называют валютой. И если сильнее верить в бумажки другого, непривычного цвета, то со временем, помимо коллекционирования, эти бумажки уже будут находиться в обороте, заключая в себе меру большинства ценностей. В этом есть определенная игра тех, кто может печатать деньги и добавлять нули к ним. Игра или даже война, что, впрочем, то же самое. Ведь именно те бумажки имеют больший шанс и больше возможности для обмана, в которые люди верят больше всего.

Еще можно поверить честному слову и отнести деньги в банк, купить акции, облигации, фьючерсы, опционы и еще много красивых слов, в простонародье называемых финансовыми инструментами. Все это такие же не обеспеченные ничем бумажки, виртуальные деньги, такая же игра в одни ворота, с той лишь

разницей, что в бумажки-деньги верят обычные обыватели, а в бумажки-акции верят лукавые, особые искушенные, считающие себя элитой в бумажконакопительской среде и презирающие тех, кто банально верит в бумажки-деньги.

Но и за всеми финансовыми инструментами стоит такое же честное слово (а скорее, даже менее честное) вернуть вам эти бумажки. Лукавым и особо искушенным обещают вернуть бумажек даже больше, чем они дали изначально. В простонародье это называется процентами. Чаще всего это даже работает, и, отдав свои бумажки, через какое-то время вы действительно можете получить их в большем количестве, что является несомненным чудом. На самом же деле это придумано теми же, кто печатает эти бумажки и рисует нули. Придумано лишь для отвода глаз, и, пока обыватель не может нарадоваться свершившемуся чуду и появившемуся у него нулю, невидимая рука уже печатает новые бумажки с двумя нулями, не только сглаживая преимущества нуля у обывателя, но и вовсе обесценивая его.

Честное слово дают разноцветные государства, финансовые компании, банки. Аналогично честное слово даю вам я! Дайте мне в долг такие бумажки! Я вам верну! Честное слово! Может, даже больше, чем вы дали мне изначально...

Глава 3. Работа

Если купишь раба-еврея, пусть он работает шесть лет, а в седьмой год пусть выйдет на волю даром.

Исход, 21:2

Еще почему-то в предисловии к основному действу я решил написать про работу. По большому счету, это вовсе не достойная для обсуждения тема, и она не так уж необходима для понимания произведения, разве что совсем чуть-чуть – для понимания самого начала.

Так что же такое работа? Работа – это дело. Да, вот так вот просто и понятно. Если деньги – это только слово, то работа – это только дело. И ничего более. Из

множества наших поговорок и всевозможных литературных произведений мы впитали с детства, что слово и дело – это некоторые противоположности. Пожалуй, и не зря впитывали, поскольку со временем это только подтверждается. Так и в нашем случае: слово и дело – такие же противоположности, как работа и деньги. Одни люди работают, а у других деньги. Так всегда было и так всегда будет. Звучит обидно, я понимаю. Только не надо в этой зависимости искать причинно-следственные связи. И если вы бросите работать, то совсем не факт, что, следуя моей теории противоположности, у вас появятся деньги. Хоть это и вполне вероятно. Но еще более вероятно, что денег у вас не будет совсем. Но зато и у того, у кого были деньги до этого, их тоже станет чуточку меньше.

Теперь, конечно, все эти определения достаточно размыты ввиду засилья лукавства. Теперь уже много таких, кто вроде и работает, и при этом имеет деньги. Обман может крыться там и там: и в работе, и в деньгах. Сейчас все чаще то, что называют работой, имеет мало отношения к делу, а все больше – к слову, а потому и работой это может считаться чисто условно и только на бумаге. Бывает и в деньгах лукавство теперь, и за видимой минутной роскошью работяги скрываются долги и кредиты на несколько поколений вперед. И сколько бы я ни видел в жизни исключений из этого правила, при ближайшем рассмотрении все они являются лишь очередным доказательством.

Так что же, теперь не работать вовсе? Конечно, нет. Не в смысле «не работать». Просто нужно наперво уяснить для себя, что, работая, заработать денег не получится, уяснить это, чтобы уже не маяться и не изматывать себя. А работать нужно только для пользы и удовлетворения. Производить продукт или услугу, учить детей, лечить людей – все это есть реальная работа, единственной целью которой является польза окружающим людям и личное самоудовлетворение от ощущения этой пользы. В этом и есть суть работы, и если ее понять изначально, то вовсе не будет этой постоянной дисгармонии, нехватки денег перед зарплатой и жажды шикарной жизни. Ведь ее просто не может быть, этой шикарной жизни. Ее не может быть, если ты действительно работаешь. А все картинки, описывающие доступность роскоши, призваны для того только, чтобы стимулировать тебя работать еще больше и еще быстрее. И чтобы у тех, кто не работает, денег стало еще больше. Так что, ища работу, ищи ощущение удовлетворенности и собственной полезности. А если все же нужны деньги?... Если нужны деньги, то теперь для этого есть много разных «работ». Хотя они тоже называются «работами», к делу никакого отношения не имеют, но имеют отношение к слову или же к деньгам, что одно и то же. Так что если ты не производишь реального продукта или услуги, не лечишь детей, не учишь людей

и никто из окружающих никогда не сказал тебе «спасибо», то это верный признак того, что деньги для тебя уже совсем не за горами.

Конечно же, я преувеличиваю, говоря о работе только ради собственной полезности и удовлетворения. Пусть и не в первую очередь, но человек оценивает свой уровень достатка, свою зарплату хотя бы того ради, чтобы просто одеть и прокормить себя и близких, находящихся на иждивении. Конечно, зарплату нужно считать. Но нужно понимать, что не все деньги, которые вы получили на работе, на самом деле вам достались. В бухгалтерском учете есть актив, а есть пассив. Примерно то же – с заработками на работе. Есть актив в виде заработной платы, премии и так далее, но есть пассив, связанный с затратами лишь на то, чтобы иметь эту самую работу. Нужен автомобиль или иной способ как-то добираться до работы, необходим большой гардероб одежды и периодическая необходимость его обновлять, постоянные траты на подарки или иной подкуп коллегам, партнерам и еще куче важных персон, ну и в конце концов – бесконечные траты на внешний антураж и имидж. Всевозможные сумочки, портфели, галстуки, зонтики, парфюмерия, часы и многое другое вы бы ни за что не купили, если бы не ходили на эту работу. Дорогие или недорогие рестораны не являются необходимостью для вашей диеты или здоровья, но являются необходимостью для статуса сотрудника конторки N. И только кажется, что ты покупаешь все это исключительно для себя, а твоя работа предоставляет возможность тебе делать эти покупки. На самом деле все происходит наоборот. Это есть не твои желания, а твои обязанности делать эти покупки, замаскированные под твои собственные желания. Эта самая работа просто обязывает тебя тратиться. Тратиться лишь на то, чтобы иметь эту самую работу, поддерживать некий имеющийся уровень. Поэтому очень важно – для общего представления – понимать сальдо вашей деятельности, т. е. разницу между активом и пассивом. Да, вы получаете заработную плату и даже премию, которые спешите принести домой, но на много ли меньше за месяц вы тратите на то, чтобы просто иметь эту работу? И если правильно посчитать все расходы, связанные с вашей трудовой деятельностью, то не настолько уж много они отстанут от вашего заработка. Причем, как кажется на первый взгляд, чем больше человек зарабатывает, тем больше у него остается денег. Но это не так. Человек, занимающий посты и зарабатывающий много денег, должен тратить еще больше на поддержание своего статуса. Дорогие и абсолютно ненужные автомобили, шикарные подарки окружающим, шмотки, стоящие в сотни раз дороже своей реальной потребительной стоимости, шикарные рестораны, напитки и так далее. Все это сводит к нулю результат деятельности, а зачастую даже приводит к долгам и кредитам.

Этим пониманием «работы» я руководствовался на разных работах и в разных должностях. Не то чтобы я всегда осознавал эти принципы или формулировал их для себя, просто для меня заработная плата всегда оказывалась на последнем месте. И, если остальные занимались тем, что выторговывали себе премии перед начальством, раздувая свои обязанности и свою важность, я просто делал дела, зачастую выполняя чужие обязанности, принимая на себя лишнюю ответственность и проявляя явно излишнюю инициативность, которая, как водится, меня часто за это наказывала.

Однако жизнь все расставляла по своим местам, даже вопреки моему желанию и воле. Я много работал, очень много. Двенадцать часов в день в ритме, предполагающем одновременное совмещение нескольких действий. Если я проводил переговоры, то одновременно что-то просматривал или печатал на ноутбуке, что зачастую раздражало собеседника. За рулем автомобиля я все время, от старта и до полной остановки, разговаривал по мобильному телефону, специально сдвигая на это время все телефонные переговоры. Это, конечно, не очень правильно с точки зрения безопасности дорожного движения, но я не мог себе позволить просто ехать. Ведь у меня есть голос, который не участвует в дорожном движении, есть слух, который если и участвует в управлении автомобилем, то совсем чуть-чуть, поэтому совмещение передвижения на авто с телефонными переговорами мне казалось идеальным. В кабинете зачастую я разговаривал по двум трубкам одновременно: поначалу было неудобно, но я быстро приспособился. И вот так – двенадцать часов, день за днем, год за годом.

Я слишком увлекся работой, реальными делами, реальным развитием компании и саморазвитием в ней. Я увлекся настолько, что не заметил, как стал руководителем компании – производственной фирмы среднего размаха, присутствующей в нескольких российских городах. Все еще занимая средние позиции с размытыми обязанностями и полномочиями, я стал руководителем фактическим, отчетливо понимая, что, как никто другой, влияю на управление и развитие фирмы. Спустя короткое время фактическое руководство компанией подтвердилось и моим номинальным назначением на должность.

Со временем фирма стала неплохо работать и даже зарабатывать. Механизм управления и функционирования наладился, работы поубавилось, я отдыхал по выходным и даже сходил в отпуск. Будущее выглядело не просто стабильным, но и вполне себе даже радужным. Руководитель успешной компании с хорошей зарплатой, всякими там бонусами и прочими привилегиями. При этом теперь уже не так сильно занятый своей работой, а имеющий достаточно свободного

времени, чтобы тратить хорошую зарплату, всякие там бонусы и прочие привилегии. Этакая мечта всякого карьериста, в том числе и моя мечта периода полового созревания.

Казалось бы, чего еще надо? Но в этом и заключалась моя основная проблема: мне ничего больше было не надо, а жить так я не мог. Стало скучно. Где-то внутри было ощущение завершенности, ощущение, что я сделал то, что должен был сделать. И в один прекрасный солнечный день я все понял! Я понял, что я должен уйти. Я не знаю, как я это понял. Первопричины этого желания, как и анализ возможных последствий, для меня тогда были загадкой. Я понимал безумство своего поступка, понимал, что, возможно, уже никогда в своей жизни я не смогу вновь дорасти до такой позиции и вновь достичь своей мечты периода полового созревания.

На очередном собрании учредителей я просто объявил, что хочу уволиться. Все сосредоточенно смотрели на меня, а я просто улыбался. Пауза тянулась слишком долго, взгляды вокруг меня становились все пронзительнее, а я с трудом ограничивал себя улыбкой, потому что мне хотелось просто заржать. Потом, естественно, были вопросы и долгие нудные разговоры. Я не мог ничего сказать и толком что-то объяснить, потому что и сам плохо понимал, что я делаю и зачем мне это нужно. Загадочность и нелепость ситуации ущемляла моих собеседников, и всем обязательно мерещился скрытый смысл моего увольнения, непременно связанный с предстоящей коммерческой деятельностью, поэтому переговоры с желанием «расколоть» меня и выявить истинные причины моего ухода продолжались вновь и вновь. Уже потом, вспоминая эту ситуацию, я подумал, что надо было просто честно признаться во всем. Признаться, что ухожу, потому что у меня есть вопрос, на который я должен ответить. Я должен узнать: кому я должен. Ну, подумаешь, приняли бы меня за сумасшедшего: перетрудился парень, бывает.

Я изменил для себя ситуацию, в которой работал исключительно за деньги – за очень хорошие деньги, – при этом абсолютно не ощущая удовлетворенности и чувства реальной значимости. И я понял, что только теперь я готов для жизни, готов для понимания и познания жизни. Готов ответить на мой главный вопрос: кому я должен?

Почему ты знаешь, жена, не спасешь ли мужа?

Первое послание к коринфянам, 7:16

Моя семья, состоящая из трех вполне себе воспитанных, хотя и очень даже вполне себе оголтелых детей, а также красавицы жены (да-да, будучи почти десять лет женатым, я все еще считаю ее красавицей), первой ощутила на себе прелести моего очередного сумасшествия. Впрочем, кажется, что им к этому не привыкать. Будучи степенным и довольно-таки консервативным снаружи, я был неугомонным где-то внутри, но это «внутри» открывалось далеко не каждому, поэтому мои близкие были довольно привычны к моим быстрым решениям и скорым переменам. В переменах значилась сама суть, поскольку ощутимой выгоды за переменами обычно не следовало, но в этом было движение и жизнь. Поэтому моя семья всегда была готова быстро... Впрочем, и здесь я опять тороплюсь. Степенней, степенней. Сперва, как обычно, чуть-чуть прелюдий и моей теории...

Семья. Что есть семья? Начнем с традиционных определений о группе лиц, в основе которой – кровное родство или же заключение брака. Особые эстеты непременно добавят словосочетание «связанные моральной ответственностью» и, пожалуй, будут правы. Для большинства семей эта ответственность непременно присутствует, хотя и является достаточно размытой в отношениях. В иных семьях дети с пятнадцати лет подрабатывают и помогают родителям, потому что в этом их ответственность, в других – пожилые родители до сорока лет содержат свое детище, накапливая чаду на машинку и прочие игрушки и ощущая в этом свою ответственность. Муж ходит на работу, а жена варит щи, или наоборот, или вместе ходят на работу, а потом вместе варят щи, – все это не имеет значения, покуда в мотивации хоть сколько присутствует «моральная ответственность». И, покуда присутствует эта ответственность, можно говорить о семье, но никакие родственные связи или даже брак не смогут создать семью, если моральная ответственность не имеет места быть.

Отсюда выходит и более широкое распространение семейных уз. Моральная ответственность за человека или окружающих людей может как исключить из «семьи» кровных родственников, так и добавить в нее неограниченное количество абсолютно неродственных людей. Неспроста же говорят, что все люди – братья. И это зависит не от каких-то людей, а от одного конкретного человека. То есть по тому, как лично этот человек воспринимает других по

отношению к себе и насколько он чувствует моральную ответственность по отношению к этим людям, и определяется круг его семьи. Поэтому для особо морально ответственных людей семьей действительно могут быть все люди. А для особых эгоистов и кровные родственники вряд ли станут семьей. Бывают, бывают, конечно, исключения, а точнее, даже не исключения, а счастливые совпадения, когда группа лиц, связанная кровным родством, вдобавок несет еще друг перед другом моральную ответственность, образуя настоящую семью.

Идем дальше. Все чаще в определении семьи проскальзывает необходимость совместного ведения хозяйством и материальная ответственность. Наверное, и в этом есть определенный резон, хотя так и хочется говорить о бесконечной бескорыстности и настоящей романтике. Конечно, родители должны материально обеспечивать своих детей, конечно, мужчины, несмотря на растущую эмансипацию и всякие педерастические настроения, все еще являются главенствующими в семье, а посему несут обязанность содержать семьи. Но несмотря ни на что, я не готов материальную составляющую возносить во главу определения семьи. Возможно, моя последующая жизнь и поиски ее смысла заставят меня изменить и свое отношение к семье, но не сейчас. Сейчас все только начинается. А потому говорю, что семья никак не связана с материальной ответственностью. Я много кого могу содержать время от времени (не будем останавливаться на этом), но при этом не считаю их семьей. Но могу не содержать свою семью собственную, при этом непременно продолжая считать их семьей. Да, конечно. Ну подумаешь, не приношу в семью деньги, зато чувствую моральную ответственность, а значит, я – настоящий семьянин. Удобно, правда? Но ведь так оно и есть на самом деле, так и определяется семья. Можно ежегодно перечислять в семью миллиончик, отчисляя, таким образом, процентик от дохода, но и это не имеет отношения к семье, а скорее, похоже на обязательство и алименты. А можно отдавать пару сотен долларов в месяц, но это будет сто процентов от заработанного тяжелым трудом. Конечно, все это крайности и довольно утрированные примеры, но, во всяком случае, они отражают мое отношение к определению семьи и неприязнь к материальной ответственности внутри нее.

Существовали определения семьи только как неопровержимого последствия государственной регистрации или какого-либо религиозного обряда. Стоит лишь взглянуть на статистику по официальным семейным разводам, чтобы забыть о регистрации брака как о критерии семейственности и вычеркнуть это определение из поддающихся размышлению.

Ну и ладно. Ну и достаточно. Достаточно для того, чтобы извлечь, что семья – это ответственность. Есть ответственность в делах, на работе, но это другое, потому как является твоим выбором, временным выбором, который в любой момент ты можешь ограничить или отказаться от этого вовсе, ведь любые дела достаточно ограничены во времени. Семья отчасти тоже твой выбор, но ответственность – постоянная и безграничная.

Да, звучит как некая пожизненная кабала. Надо что-то добавить... Добавим счастье. Семья есть то единственное, которое приносит постоянное и неподдельное счастье. Мы можем быть счастливы от свершения своих дел, от бесполезных покупок, просмотра телевизора и прочего, но это все временное и ненастоящее. А постоянное и настоящее счастье – только в семье.

Ну вот, так гораздо лучше. Значит, семья – это группа людей... Стой, а может, и не людей вовсе? Ведь многие же считают домашних питомцев членами своей семьи – как мне кажется, абсолютно заслуженно. Да, убираем «людей»: это просто группа кого-то или даже чего-то. В общем, семья – это те, за кого ты испытываешь безграничную ответственность на протяжении всей своей жизни и от кого ты получаешь настоящее неподдельное счастье всю свою жизнь. Все. Пойдет. На сем кончаем прелюдию...

Женился я, можно сказать, в одночасье, что совсем не подходило моей обстоятельной и тягомотной наружности. Просто в какой-то момент я ощутил себя крайне порядочным человеком. Настолько порядочным, что, выпив пива, принял решение жениться на беременной от меня девушке. Не знаю, почему порядочность проявилась именно в этот момент: может, девушка слишком понравилась мне; может, что-то было в пиве; а может, именно в этот момент все звезды расположились в определенном порядке, ведь браки заключаются на небесах. Со временем я убедился, что дело было уж точно не в пиве и, наверное, даже не в девушке как таковой, а в небе. Кто-то там, на небе, в этот момент все решил за меня. Так обычно и бывает у меня, когда из консервативного и даже инертного я превращаюсь в человека, способного за доли секунды принимать решения, меняющие всю мою последующую жизнь. Так в свое время я женился. Так за одну секунду я оставил свою более чем успешную карьеру. Так я решил написать книгу, не имея никогда прежде желаний или способностей...

Женой я восторгаюсь до сих пор, поскольку она до сих пор дает мне поводы для неподдельного восторга. Это тот человек, который приблизился ко мне ближе всех остальных, который понимает меня больше остальных и понимает меня,

пожалуй, даже больше, чем я понимаю сам себя. Это тот, кто идет за мной в огонь и воду и, наверное, завидует спокойной жизни жен декабристов. Кто готов, родив троих детей, практически не употреблять пищу, чтобы оставаться стройной и радовать мой – временами похотливый – взгляд своей фигурой. Сколько за все это время она сделала, чтобы просто оставаться со мной рядом? Нельзя сказать, что я плохой муж (а может быть, и можно): в меру вредные привычки, дом в достатке, детей люблю. Но очень ревнив во всех отношениях: каждая клетка ее организма должна быть мне верна и даже преданна. Это сейчас все кажется естественным, и все ее желания следовать за мной, соответствовать мне кажутся закономерными. Но после нашего знакомства, пожелав быть со мной, она не просто изменилась, она стала другим человеком. Абсолютно другим! Во всем! Перестала встречаться с подругами, стала читать книги, слушать рок-музыку, изменилось ее отношение к жизни, к людям, к деньгам – ко всему абсолютно.

Нельзя сказать, что это была пустая емкость, которую можно было чем угодно заполнить, – что это была несформировавшаяся масса, из которой можно вылепить все что угодно. Она была вполне самодостаточна, образованна, независима, успешна в делах и работе. И, тем не менее, она изменилась вся. День за днем я наблюдал, как меняется ее внешность. Я уж не говорю о шмотках, косметике и прическе. Изменилась ее осанка, ее походка, цвет глаз, черты лица. Не знаю, как так бывает, но так было. В какой-то момент мы достигли такого соответствия, что могли понимать друг друга без слов: говорили наши глаза. А потом и вовсе неплохо различали и чувствовали друг друга даже на расстоянии.

Иногда, конечно, и в нашу семейную идиллию закрадывался червь сомнений. Ведь мы живем в обычном мире с кучей мелких бытовых проблем, в окружении кучи мелких бытовых людишек и постоянной зависти окружающих. Зависти по любому поводу, несмотря на то, что в целом наша семья живет достаточно замкнуто и мы никогда не любим ни с кем что-либо обсуждать. Но есть неплохой дом, который всем виден, есть неплохие автомобили, есть неплохие дети – и этого уже достаточно для того, чтобы люди додумали для себя происхождение всего этого, извратили, перевернули и окружили все это бесконечной завистью. А твоя отвлеченность от этих людей лишь подливает им желчи и желания об этом говорить. Иногда эта желчь просачивалась в дом, принося кратковременный разлад и даже ссоры. Но лишь кратковременные и лишь для того, чтобы еще раз посмотреть на это со стороны, вспомнить все с начала и понять, что вся желчь всех людей этой планеты не способна отравить наше взаимопонимание и взаимопоглощение, потому что мы – семья.

Ладно, хватит про жену, чего доброго перехвалю еще. Еще у меня есть дети. Это тоже моя семья, за которую я буду испытывать бесконечную ответственность всю свою жизнь и которые всегда будут приносить мне радость даже своими не самыми чудесными поступками. Помимо отцовской любви, я испытываю к ним глубокое уважение за их сплоченность и верность нашей семейной идее – постоянно двигаться и развиваться. Они никогда не капризничают и ничего не просят в магазинах и прочих общественных местах – в противовес сложившемуся у меня до этого мнению об истеричных детях, судорожно тянущимися за любой блестящей вещью на прилавке. Конечно, и у них есть свои детские желания, но выражают они их куда хитрее стандартного детского «хочу».

А происходит это обычно так: вечером они пристально следят, чем я занимаюсь. Далее, если видят возможность, интересуются моей занятостью. Конечно, я всегда подтверждаю свою готовность уделить время (ну или почти всегда), и они начинают рассказывать, что видели то-то там-то и было бы неплохо это подкупить для дома или для их развлечения. Они не просто просят это – они мотивируют! Я выслушиваю их мотивацию, мы какое-то время рассуждаем о цене предмета, о том, что можно было бы купить на эти деньги вместо этой вещи. Чаще всего, конечно, речь об игрушках, и чаще всего я, конечно, их им покупаю. Но мне приятно осознавать их способность уже в малом возрасте уметь сравнивать и определять ценности вещей (ведь я и сам до сих пор определяю для себя ценности: теперь вот задумал определить ценность человеческих отношений).

Но даже игрушки у детей иногда отходят на второй план. Бывает и так, что дети жертвуют своим сиюминутным желанием купить игрушку ради какой-либо глобальной семейной идеи. Мы размышляем, что, отказавшись от небольшой игрушки и подкупив еще немного, можно было бы построить для них детский городок. А если, например, отказаться от детского городка, то можно добавить и построить семейную баню, загородную дачу для выездов и т. д. Вместе решаем, расставляем приоритеты, считаем затраты (арифметика, конечно, та еще). В целом, как мне кажется, все получается довольно неплохо. В конечном счете у детей есть все, чего бы они хотели или чего бы хотели другие дети в их возрасте, но все это они получали не сразу и не просто по одному своему желанию.

Чтобы уж совсем закончить с семьей и чтобы картинка получилась завершенной, нужно еще несколько слов сказать про наше движение – про постоянное

движение в жизни. Движение ради движения, в большинстве случаев не приносящее результатов, а иногда и вовсе приводящее к убыткам, но суммарно имеющее положительное значение. Сейчас уже этого движения не ощущается: как-то все пресно и постно. В течение нескольких последних лет я неплохо возглавлял технологическую производственную компанию среднего размера. Тем не менее, не обладая большими запросами в повседневной жизни, мы сумели построить большой дом, приобрести пару дорогих машин, привыкнуть к уютной жизни и достатку, избаловать детей. Все это давалось поначалу большим трудом и лишениями, поэтому имеет особую ценность. Ведь поженились мы, когда я только заканчивал университет. Не было вообще ничего, но было жуткое желание иметь все. И тогда я просто перевернул мир. С ног на голову. Это было как сон, хотя и длившийся несколько лет. Я работал на нескольких работах, в каждой добиваясь значительных успехов. Жизнь была ключом. Этот бешеный ритм распространился и на нашу семью. По прошествии восьми лет семейной жизни, видимо, сделав небольшой перерыв в этой гонке, мы с удивлением обнаружили, что каждый год в нашей семье либо появлялся новый ребенок, либо мы приобретали себе новое жилье. С детьми понятно: это цветы жизни, наше будущее и так далее. Приобретение недвижимости и улучшение собственных жилищных условий стало своеобразной навязчивой идеей. Это стало понятно, когда мы построили дом, очевидно, большой даже для семьи с тремя детьми. Дальше мы, конечно, сбавили жизненный ритм, остались в этом же доме, детей больше не рожали, но зачем-то – видимо, по привычке, – построили еще один загородный дом.

Такая вот замечательная семья. И вечная любовь. И все необходимое в жизни, хоть и явно излишнее в моей оценке. И умрем, наверное, с женой в один день...

Теперь я должен поставить на кон достигнутое благосостояние ради какой-то призрачной идеи. Я должен понять, насколько это все реально и осязаемо. Насколько все это было правильным и настоящим. Чего это все стоит на самом деле и стоит ли вообще. Ведь, приобретая любые человеческие блага, нужно понимать, что конечным продуктом все равно являются чувства, эмоции, знания, опыт и, конечно же, формирующиеся при этом взаимоотношения между людьми. Есть, безусловно, и некая материальная оболочка, но она очень незначительна. Любой предмет, приобретаемый в течение жизни, несет мизерную часть реальной функциональности, но наше обладание им (в большей степени даже момент приобретения) привносит в сознание маленькое счастье.

Со временем эмоции притупляются. Большие приобретения или события уже не приносят больших эмоций. Чтобы хоть как-то взбудоражить чувства, приходится платить все больше и больше. В геометрической прогрессии появляются предметы быта и роскоши, но наши эмоции при этом гаснут в обратной зависимости. Этот вариант ведет в тупик. В материальном плане он приводит к излишним долгам, обременениям, кредитам. В плане моральном это ведет к неадекватному восприятию реальности, к искажению существующей действительности и неправильной оценке ценностей...

Именно поэтому в определенный момент необходимо остановиться. Остановиться для того, чтобы понять истинную ценность всего окружающего. И только тогда понимаешь, что большинство окружающих предметов (да чего там «большинство» – в принципе все!) не имеют абсолютно никакой ценности, потому что никаких чувств уже давно не вызывают. Есть еще люди, образы которых часто появляются перед глазами, возможно, они и отношения с ними чего-то да стоят. А может, ничего не стоят. Это очень сложно понять и еще сложнее оценить, но я должен это сделать. Я должен понять ценность отношений с людьми. Я должен понять, кому я должен.

Я настолько вжился в роль, что совершенно не думал ни о своем будущем, ни о будущем своей семьи. Просто рубил концы – без оглядки, без перспектив. На пути познания себя я первым делом просто бросил работу. Это оказалось совсем не сложно – куда проще, чем потом найти хоть какую-то приличную работу. Но любая идея требует жертв. Я должен поставить на кон все, чтобы понять истинную ценность созданного или приобретенного за эти годы. Нужно было полностью лишиться источника дохода (или, по крайней мере, максимально правдоподобно создать видимость полного лишения). И, когда деньги уже не имели бы никакого влияния на семейные взаимоотношения, можно было бы оценить реальность этих взаимоотношений.

Появился вопрос: как все это лучше преподнести своей семье, а главное, конечно, жене. Я не хотел, а главное, не мог рассказать ей о своей задумке. Она вполне могла принять меня за сумасшедшего, и тогда наш союз был бы под вопросом. Хотя, наверное, за время нашей совместной жизни это был не самый сумасшедший поступок с моей стороны. Да и союз наш ставился под большой вопрос в свете последних событий и моего эксперимента. А главное, как я мог рассказать ей о моем эксперименте, если она сама предполагалась в качестве одного из его участников. Да что там одного! Пожалуй, она и предполагалась в роли основного испытуемого. Ведь именно с моей семьей были связаны все мои

расходы. И я должен был понять, связывает ли нашу дружную семью избыток денежных купюр, а также в какой степени наши чувства зависят от моих денег.

Врать нехорошо, но без вранья, к сожалению, и доброго дела не сделаешь. Поэтому я просто решил, что обыграю для жены свой уход с работы не как добровольный уход, а как принудительное увольнение. Я никогда не распространялся о своей работе, мы практически не говорили об этом, а если и говорили, то разговор ограничивался общими фразами наподобие «Как дела?» Жена знала название организации, в которой я работал, поскольку это фигурировало в разных анкетах в социальных и прочих учреждениях, но не имела понятия о том, чем я вообще там занимаюсь и какие позиции занимаю. Я, собственно, и сам не всегда понимал сферу моей компетенции и ответственности, находя себя во всем: от разработки нанотехнологий до оптимизации налогообложения и ведения незаконной финансовой деятельности. Поэтому в этой ситуации мне вряд ли придется объяснять причины моего увольнения, рассказывать о существовавших проблемах на работе и выдумывать еще черти что.

* * *

В среду, в семь часов вечера, я ужинал дома. В том, что я ужинал в принципе не было ничего странного, потому как ужинаю я каждый день. Но было очень странно то, что я ужинал дома – среди недели, а главное, уже в семь часов вечера. Жена, накидав что-то на стол, спросила дежурное: «Как дела?» – и села напротив, подперев рукой подбородок.

– Хорошо выглядишь, – вяло пробурчал я, пережевывая пищу.

Она ничего не ответила, перевела взгляд на меня, а лицо ее вытянулось в удивлении. Compliment был слишком банальным. Для большего эффекта нужно было обязательно сказать что-то конкретное и проявить свое участие. Она периодически упрекала меня в том, что я не замечаю в ней никаких изменений. А я действительно ничего не замечал. Ладно уж, что я не заметил, как она поменяла косметику или купила новую блузку, но то, что она сменила прическу, а тем более покрасила волосы, я как любящий муж должен был замечать.

– Немного осветлилась? – спросил я с прежней небрежностью и помотал указательным пальцем в направлении головы супруги.

Вопрос был непростой и, похоже, серьезно сбил ее с толку. Мало того, что я, наверное, первый раз ужинал дома в такое время, так я еще задавал вопросы о ее внешности.

– Ну... Я давно уже, – ответила она как-то смущенно, – в прошлом месяце, корни уже...

– Я знаю-знаю, – перебил я ее на полуслове, уверенно начав свое вранье. – Что я, не помню, что ль, когда ты красила волосы. Я про лицо: выглядит светлее обычного.

Да, тот факт, что в рабочее для себя время я сидел дома, нельзя было не учитывать. В этот день я еще был полон менеджерского задора и мог часами врать на любые темы. Естественно, я не знал, что она красилась в прошлом месяце, и уж тем более я не заметил никаких изменений на ее лице.

– Наверное, это тональный крем, – супруга заметно оживилась, – хотя я им только позавчера пользовалась. Знаешь, эта мода на смуглую кожу и солярии мне не нравится. Выглядит очень неестественно. Светлая кожа хоть и не блестит, но выглядит натуральнее.

– И сексуальнее, – не отрываясь от тарелки, я закатил глаза на супругу и попытался сделать свой взгляд томным.

Я очень редко говорил ей комплименты, еще реже я с ней кокетничал, и совсем никогда я с ней не говорил о косметике. Поэтому, несмотря на то что она слегка покраснела (видимо, у меня получился томный взгляд), в глазах ее было замешательство и непонимание ситуации. Она обдумывала происходящее и явно чувствовала подвох.

– Почему ты сегодня дома и так рано? – спросила жена по-домашнему тепло.

Похуже, теперь она решила со мной похитрить и позаигрывать. Что же, вот и пришел момент – бьем на поражение. Сразу. Контрольный. В голову.

Я наконец оторвался от тарелки, вздохнул и пристально посмотрел ей в глаза.

– Меня уволили с работы.

По моему замыслу в небе в этот момент должен был раздаться гром и где-то рядом сверкнуть молния. Однако я ничего не слышал, возможно, просто прослушал, а молния в светлое время осталась незамеченной.

Голос мой был спокоен, но от предыдущего общения, как мне показалось, еще осталось немного лукавства. Вряд ли это заметила жена, но мне самому эта интонация не понравилась.

– Отлично, – иронично ответила жена и подняла вверх большой палец, – это надо отметить.

Наверное, я все-таки выглядел не слишком убедительно. А может, она просто привыкла к тому, что я постоянно шучу. Я не могу воспринимать эту жизнь всерьез: сквозь все мои поступки и мысли тонкой нитью проходила ирония и сарказм. Порой я даже сам не понимал: делаю я это серьезно, или мне просто хочется поприкалываться? Так и в этот раз, я не придумал ничего лучше, чем принести из бара початую бутылку виски и целую бутылку вина.

– Конечно, отметим, дорогая, – я поставил бутылки на стол, – с тебя бокалы.

Алкоголь пился легко и приятно. Я так соскучился по своему дому, по своей жене, по ее глазам, по ее голосу! Мы много разговаривали про наших детей. Я был уверен, что мои дети необыкновенные. В этом уверен, наверное, каждый родитель, но у меня, помимо родительских симпатий, было и объективное подтверждение. Я наблюдал за ними, когда был дома и когда было время, и замечал в них достаточно высокую интеллектуальную развитость. Помимо высокого интеллекта, они были развиты духовно. Они, как далеко не каждый взрослый, понимали ценности и пользу вещей, не кидались на блестящие китайские игрушки и во всех приобретениях делали осознанный и обоснованный выбор. Кроме моих наблюдений, развитость старших двух подтверждалась школьными оценками (они были круглыми отличницами) и успехами на дополнительных кружках и секциях.

Я даже не заметил, сколько виски было в бутылке, когда я ее принес. Наверное, около половины. Бутылка наполовину пуста или наполовину полна? Какая разница, если через полчаса она уже пуста совсем. И тем более нет разницы,

если есть еще одна полная бутылка. Мы говорили про наш дом и домашнее обустройство. Где-то подтекает кран, дверной замок заедает, собачья будка давно стоит не на месте. Как бы я хотел всем этим заняться! Решать проблемы, которые действительно существуют, которые можно посмотреть, потрогать руками, понюхать. И результат твоих действий виден сразу. В каждый момент времени ты понимаешь, что и зачем ты делаешь. Это совсем не то, что всякий там бизнес, где большинство дел делаются лишь ради самого процесса, не имея конечной цели.

Мы здорово поднапились в этот вечер. Во всяком случае, я. Наверное, было слишком много алкоголя. Или не слишком. Или не алкоголя. Просто первый раз за очень долгое время я по-настоящему расслабился и ни о чем не думал. Меня не интересовало... Не знаю даже точно, что меня не интересовало. Потому что меня не интересовало ничего, в то время как раньше я был постоянно чем-то озабочен.

Потом у нас был романтичный вечер. По-настоящему романтичный. Такой романтики у нас не было, наверное, со времени нашей свадьбы. Чтобы и зажженные свечи, и страстная любовь. Я занимался любовью и ни о чем не думал. Совсем ни о чем. Я не просчитывал в уме бизнес-планы, не готовил доклад на выступление, не анализировал все, что успел сделать за день. Мне было немного непривычно заниматься одновременно только одним делом. Я всегда старался совмещать несколько действий. И обычно, даже когда я занимался любовью, у меня повышалось давление, кровь прибывала в голову, и в это время успешно решались самые сложные интеллектуальные вопросы.

Мы лежали в постели в обнимку и смотрели в потолок. Следуя классическим канонам, мне оставалось еще закурить. Но я не курил, поэтому просто лежал, а в голову лезли всякие мысли. Оказывается, совсем не просто изменить своим привычкам и не думать ни о чем: это очень большое умение и даже, наверное, талант.

– О чем ты сейчас думаешь? – спросила жена, приподняв свою головку и с интересом рассматривая меня.

– Пытаюсь не думать ни о чем.

– Получается?

– Нет, конечно, – с сожалением признался я. – Наверное, это самые счастливые люди, которые могут совсем ни о чем не думать.

Интересно, а возможно ли вообще ни о чем не думать? Может, ли мозг приостановить свою деятельность, или это уже будет смерть? Мыслительный процесс сопровождает человека постоянно, даже во сне. Но тогда, если человек не в состоянии совсем ни о чем не думать, нужно хотя бы уметь управлять своими мыслями, нужно выбирать правильный объект мышления. Какого черта днями и ночами выстраивать в уме бизнес-планы, пытаться оптимизировать бизнес-процессы и думать о повышении рентабельности? Нужно уметь решать все это в свое время. Нужно уметь отключать в определенное время мыслительный процесс на лишние темы. А постоянно, коль уж так это ему необходимо, мозг должен думать о вечном, о Боге, о добре.

– А почему ты сегодня так рано? – жена прервала мои мысли о вечном.

– Я тебе уже отвечал.

– Но ты же шутил, – указательным пальцем она водили по моему лицу. – Что значит «тебя уволили»? Тебя не могли уволить, и потом непонятно, откуда тебя уволили. Я не знаю точно, но мне казалось, у тебя было много разных проектов.

О, какие познания в моей деятельности! Возможно, лишь внешне она не показывала никакого интереса к тому, чем я занимаюсь. Наверняка она прислушивалась к моим телефонным разговорам, когда я бывал дома, возможно, смотрела бумаги, раскиданные в моем домашнем кабинете. Вряд ли она что-то могла понять. Уж если я в конечном счете мало что понимал из того, что я делаю и кому на самом деле это нужно. Но то, что у меня много дел, и то, что я занимаюсь совершенно разными вопросами, она наверняка уловила.

– Почему тебя вдруг заинтересовало разнообразие моих, как ты выразилась, проектов? – спросил я грубовато и отодвинул ее палец от своего лица. – Говорю же тебе, меня уволили, и неважно, сколько проектов было у меня, – меня уволили отовсюду. Что в этом такого? Финансовый кризис, сейчас очень многих увольняют.

– И значит, завтра ты не пойдешь на работу и никуда не уедешь? – не унималась жена.

– Ни завтра, ни послезавтра, ни через неделю. Будет еще какой-то процесс передачи дел, возможно, мне придется еще какое-то время изредка покидать дом, но принципиально вопрос уже решен.

– Ура! – пропищала жена и кинулась меня целовать. Мне было приятно. Было приятно все. Находится дома, с избытком пить спиртное, стараться не думать вообще ни о чем и быть зацелованным своей женой. Я отчетливо ощущал этот шаг, эту ступеньку в своей жизни. Хотя даже и шагом это нельзя было назвать: это была просто новая жизнь, новое рождение. Я только что вылез из чрева с полным непониманием завтрашнего дня, с неведением того, как мне жить, что мне делать и зачем. Рядом лежало и целовало меня любимое мной создание. И все бы хорошо, только вот родился в этот раз я не совсем с чистым и девственным сознанием. И мучает это сознание уже с рождения один вопрос: «Кому я должен?»

Поэтому радость жены по поводу моего увольнения, как, собственно, и моя внутренняя радость по этому поводу, уходят на второй план перед желанием ответить на этот вопрос и в первую очередь проверить на прочность свою семью.

– Что ты радуешься, дурешка? – попытался я направить мысли жены в нужное русло. – Ты что, не понимаешь, какие проблемы нас ждут впереди? Отсутствие работы – это отсутствие денег. А ты же знаешь, что мы тратим очень много денег.

Жена задумалась, и уже я начал радоваться тому, что посеял в ее голове сомнения, как вдруг она оборвала мою радость.

– Ну подумаешь! Будем теперь тратить меньше.

Мне показалось, что и сомнений в ее голове не так уж много. А наблюдая, как она зачем-то носом начала клевать меня в грудь, я понял что она совсем не хочет задумываться о последствиях.

– Ты не понимаешь, – опять начал я, – ты слишком легкомысленно к этому относишься. Как мы будем тратить меньше? Это уже привычки, от которых очень тяжело отказаться. А от многого и вовсе отказаться невозможно: мы

должны питаться, воспитывать и обеспечивать детей, обслуживать дом и машины. Это очень большие деньги. Даже если мы и сможем тратить в дальнейшем меньше, нам просто негде будет взять и эти меньшие суммы.

Я, как мог, сгущал краски. Голос мой был серьезным и обстоятельным. Жена непременно должна была внять моим словам и задуматься о своем будущем, о будущем детей, в конце концов.

– Клюв, клюв, клюв, – произносила она, тычась носом в мою грудь.

– Неужели у тебя совсем нет ко мне вопросов? – меня даже немного заводило ее спокойствие и безразличие.

– Конечно, есть вопрос, – жена наконец подняла нос от моей груди. – Ты уже завтра будешь дома или куда-нибудь еще поедешь передавать дела?

Меня даже немножко раздражало это спокойствие и невозмутимость. Я был почти уверен, что она сразу должна будет переживать по поводу нашего будущего. Может, поддержит меня словами и обязательно как-нибудь утешит, но она должна задуматься о происходящем. А сейчас я не чувствовал у нее никаких внутренних мыслей. Лежит и клюет меня в грудь. А если уже завтра жрать будет нечего?...

– Тебя совсем не беспокоит будущее, это неправильно, – опять завелся я, – нам нужны деньги, у нас начнутся проблемы.

– Клюв, клюв, клюв...

* * *

Как бы я ни хотел насладиться бездельем в первый безработный день и проспять до обеда, но проснулся я по привычке рано. Было шесть часов утра. В обычный день я должен был встать, энергично принять душ, почистить зубы, побриться, выпить пустой кофе и одеться. Вся процедура занимала минут двадцать. В это время мозг еще ленился, и, наверное, только в это время я не пытался делать несколько дел одновременно. Чуть позже, выйдя на улицу и садясь в машину, обычно я начинал разговаривать по телефону, читать за рулем, а иногда, если

по дороге были пробки, включал ноутбук, расположив его на пассажирском сиденье.

Но «я прошлый» умер вчера, а умершим не надо ходить на работу. А «я настоящий» вчера только родился, и, подобно младенцу, я лежал в кровати, хлопал глазами и смотрел в потолок, не понимая ничего и будучи не в состоянии что-либо сделать или поменять. Но совсем скоро начнется новая жизнь. Я не знаю точно, какая она будет, но мне это ужасно интересно узнать. Наверное, часов в семь прозвонит будильник, и старшим дочерям надо будет собираться в школу. Интересно, у них звонит свой будильник? Или жена заводит себе, а потом уже будет их? Они, конечно, самостоятельные не по годам, но, наверное, все же их будет жена. Ведь надо еще и завтрак какой-нибудь приготовить. А что делать мне в это время? Ведь мне не надо никуда собираться и убегать. Продолжать валяться в кровати, рассматривая потолок? А может, встать и позавтракать с семьей? Интересно, как это происходит и что они едят на завтрак. А потом? Старшие, наверное, уйдут в школу. Школа совсем рядом, поэтому не думаю, что жена их возит на машине. Проснется младший. С ним тоже, наверное, что-то надо делать. Вряд ли он в годовалом возрасте ест на завтрак яичницу и пьет кофе. Может, кашку какую-нибудь молочную. Еще я видел: у нас в холодильнике стоят всякие баночки и бутылочки со смешными зверюшками на этикетках. Вероятно, это тоже какая-нибудь еда для маленьких детей. Да, это интересно. Это очень интересно, в отличие от всего того, чем я интересовался в последние годы.

Я повернул голову к жене и стал пристально ее рассматривать. Было темно, но глаза привыкли, и с близкого расстояния я отлично видел все ее черты. Интересно, что ей сейчас снится? Мне казалось, что она как будто нахмурилась. Может, она хотя бы во сне поняла, что я хотел ей донести вчера вечером. Может, она представила, как мы дальше будем жить без денег, поэтому сейчас вот хмурится. Милая мордашка. Закуталась одеялом до самого подбородка и даже голову вжала в плечи. Такая маленькая, милая и беззащитная. Мне захотелось ее обнять и крепко прижать к себе. Но я боялся ее разбудить. И зачем я все это придумал? Зачем мне нужен этот эксперимент? Зачем я бросил работу? Почему в определенный момент мне всегда надо что-то исковеркать и изменить?... Она очень громко вздохнула и закрутила головой, еще сильнее вжимаясь в подушку. Милая мордашка...

* * *

– Доброе утро, соня, – услышал я ласковый голос жены и почувствовал поцелуй на своих губах. – Ну ты и спать здоров!

Я кинул взгляд на электронные часы: было уже десять часов утра. Вероятно, после своего раннего пробуждения я все-таки уснул снова. Я пропустил, как все проснулись, собрались и позавтракали. Я так и не узнал, звонил ли у детей свой будильник или их разбудила жена. Я так и не узнал, что ест на завтрак самый младший. Ну ничего, у меня еще будет время, чтобы узнать все это. У меня будет очень много времени, ведь я только вчера родился, и впереди у меня целая жизнь.

В течение дня я познавал свой новый мир. А мир полон жизни, полон красок и настоящего добра. Это был совсем другой мир, в котором не было угнетающих офисов, не было менеджеров-упырей, не было напора человеческой глупости и жадности. Я играл со своим ребенком, учил уроки со старшими детьми, мы бегали по дому и играли в футбол. Создать ощущение полной идиллии мне, конечно, не удалось. Часа три в течение дня я был вынужден просидеть за компьютером, просматривая почту и отвечая на некоторые сообщения. Были еще периодические звонки на мобильный. Доверившись удаче, я просто отвечал на каждый второй звонок, игнорируя половину звонивших.

И все же мне было непонятно абсолютное спокойствие и даже восторг моей супруги относительно моего «увольнения». Понятно, что уже сегодня на семье не отразится то, что я уволился вчера. Понятно, что мы не жили одним днем и что у нас имелись кое-какие накопления, а если собрать со всех источников, то накопления были даже более чем «кое-какие». Но все равно было странным то, что жена несказанно обрадовалась моему решению оставить работу. Хотя она, как никто другой, понимала, что, помимо непосредственно финансового достатка, моя трудовая деятельность вносила большие сложности в нашу семейную жизнь. Я практически не бывал дома. Постоянные командировки, дополнительное образование. Фактически мое присутствие дома ограничивалось одним полноценным выходным, ну были еще в неделю пара урезанных вечеров, порой настолько урезанных, что приезжал я уже в спящий дом, а уезжал из еще спящего. Если к этому еще добавить нашу патологическую склонность к улучшению жилищных условий, переездам и связанные с этим проблемы, то совсем не остается времени на совместное проведение досуга.

Итак, эксперимент провалился? Я ушел с работы, а жена обрадовалась. Пойти обратно попросится? Боюсь, уже поздно. Нет, нужно все же разобраться в

ситуации. Я ушел с работы, дабы лишить себя и семью достатка (или максимально приблизить этот момент), а радость жены обусловлена исключительно тем фактом, что теперь мы сможем чаще видеться. А если уж совсем точно, то теперь мы будем вместе всегда, всю жизнь, вечно! Идиллия. Еще бы день одновременной смерти оттянуть подольше. Может, на этом опыт закончить? Наша любовь бесценна, и бесполезно пытаться ее оценить или разрушить подобными провокациями! Наши чувства, наши отношения нельзя измерить рублями... Но должен же быть какой-то выход. Что ж, нельзя рублями, значит, попробуем в долларах. А потом конвертируем в единую валюту, дабы привести все к единому знаменателю.

Сдаваться было нельзя, радость жены вполне понятна. Это эмоциональный сиюминутный порыв. Это не далеко идущий вывод. Конечно же, приятно всегда жить одной семьей, каждый день вместе ложиться и просыпаться. Но для достижения моей цели у нас должны появиться финансовые проблемы. Нужно время, нужно только немного подождать. Понятно, что мы не жили копейка в копейку. Были какие-то запасы, были сторонние источники доходов, о которых она что-то слышала или подозревала (я ничего не скрывал от нее, просто в ситуации полного достатка думать о его источнике не хочется). Значит, моя задача – максимально быстро обанкротиться, израсходовать все запасы. Все равно – как: реально или создавая видимость.

Коль уж я ставлю под удар свою семью, то надо озадачить всех ее членов. Старшие дети уже учатся в школе, в младших классах. Это нормальный возраст, чтобы задумываться о жизни и начинать планировать свое будущее. По крайней мере, я часто с ними советовался в вопросах больших домашних покупок, предстоящих семейных путешествий, совместного проведения досуга и т. д. Кроме того, пару лет назад, дабы хоть как-то сблизиться с детьми и компенсировать свое отсутствие, я придумал создать наш собственный клуб. Изначально затея казалась так себе, но в правильном антураже и с серьезной постановкой вопроса она имела очень большой успех. Пару раз в месяц, когда я бывал дома в выходной день, мы с детьми закрывались в одной из комнат и там секретничали. Чтобы проникнуться духом сплоченности и склонить детей к особым откровениям, я должен был сам в первую очередь открывать им какую-нибудь тайну. Естественно, тайны взрослого мира мало их интересовали, и вряд ли я смог бы их каким-либо образом увлечь. Поэтому я просто представлял себя на месте своих детей или пытался вспомнить себя в их возрасте, представлял проблемы, которые могли бы их волновать, и от своего имени рассказывал о существовании этих проблем у меня. Вот таким образом получалось, что меня кто-то обижал на работе, толкал и рисовал на моих важных бумагах. Кто-то меня

бил, кто-то все время дразнил, кто-то очень хотел или, наоборот, не хотел со мной дружить. Конечно, все мои рассказы были адаптированы к взрослой жизни, были изрядно усложнены, связаны с заработной платой и деньгами, но суть моих рассказов все равно оставалась детской. Мои сочинения имели большой успех, и наш клуб регулярно и с большим энтузиазмом собирался. Кроме того, чтобы еще больше заинтересовать детей, у нас в клубе был председатель, которого мы назначали в начале каждой встречи и который проводил наши собрания. Функция председателя сводилась к общим словам, приветствиям и предоставлению слова членам клуба, а главное, по итогам каждого собрания клуба председатель получал от меня гонорар. Это была фиксированная сумма, которая изредка менялась в ту или иную сторону в зависимости от способности председателя.

Я был очень доволен этой идеей, потому что, во-первых, мне удалось сплотить детей вокруг себя, а во-вторых, в отличие от моих выдумок, дети мне действительно рассказывали существующие у них проблемы. А это очень важно. Это сейчас, заглубившись от агрессии окружающей жизни, детские проблемы нам кажутся малозначимыми или несуществующими вовсе, но любое явление зависит от степени его восприятия человеком. А детская, несформировавшаяся психика очень чувствительна к любым жизненным переменам. Особенно остро стоит вопрос о взаимоотношениях со сверстниками и одноклассниками. Всплывает целый ряд нюансов: от коммуникабельности до позиционирования самого себя в коллективе. А если еще добавить сюда абсолютную неспособность и нежелание большинства родителей воспитывать своих детей, объяснять им настоящие ценности, то есть, наоборот, желание оставить их на воспитание рекламным слоганам, придуманным для того, чтобы они покупали дешевый китайский ширпотреб с неуклюже наклеенным брендом и гордились этим брендом, то взаимоотношения детей уже на начальном этапе общения носят порочный характер. У детей с начальных классов школы формируется круг общения исходя из бренда носимой одежды или модели сотового телефона. В таком обществе психика ребенка подвержена еще большему воздействию. И идти на поводу у этой моды – тупиковый вариант. Можно купить самую дорогую одежду или самую последнюю модель телефона, но это решит вопрос на день или на неделю, а в дальнейшем приведет к еще большим коммуникативным проблемам ребенка.

Помимо выпытывания детских проблем и советов, как вести себя в той или иной ситуации, в нашем клубе мы на полном серьезе обсуждаем текущие семейные вопросы. Поэтому и в этот раз я считал должным при случае собрать клуб и поговорить с детьми. Не знаю, насколько я был готов признать их полноценными

участниками своего эксперимента, но в любом случае мне просто хотелось с ними пообщаться. Не откладывая вопрос, через несколько дней после моего «увольнения» я предложил детям собрать наш клуб. Председателем назначил младшую дочь.

– Всем привет! Итак, в очередной раз мы собрали наш клуб, чтобы обсудить, у кого что произошло за это время, – произнесла она уже стандартную для начала нашего общения фразу.

Несмотря на детский девчачий голосок, эта уже практически заученная фраза звучала достаточно серьезно. А несильная и четкая жестикуляция придавали еще большую пафосность моменту. Интересно, откуда у нее взялись эти жесты?... Если фразу эту они просто запомнили с наших первых клубных встреч, когда председателем был я, то вот эти жесты они вряд ли могли у меня увидеть. К тому же, когда председателем была старшая дочь, ее слова никогда не сопровождалась жестикуляцией.

– Всем привет! – почти в один голос сказала старшая дочка вместе со мной.

– Кто хочет начать первым? – спросил председатель с прежней интонацией.

– Я хочу быть последним, – высказал пожелание я и, придавая мероприятию особую серьезность, добавил: – Если это возможно.

Мое пожелание было принято, поэтому следующие двадцать минут я выслушивал детские проблемы. Это были как банальные жалобы на школьные шалости других детей, так и вполне себе серьезные рассуждения о том, чем им еще заняться в свободное время, на какие секции записаться и как лучше составить график дополнительных занятий в спортивных и музыкальных учреждениях. В конце своего рассказа каждая из дочерей порассуждала на тему быта в нашем доме: мы обсудили удобство и наличие шкафчиков, расположение в доме телевизоров. Когда очередь наконец-то дошла до меня, то мне уже не хотелось с ними ни о чем больше говорить. Я привык к тому, что в нашем клубе я практически все сочиняю, пытаюсь подстроиться под детей и их проблемы. А в этот раз я планировал рассказать им действительно существующую у меня проблему. Ну, может, и не совсем существующую, но, во всяком случае, искусственно создаваемую мной.

– У меня есть небольшая проблемка, – начал я лениво.

При этой фразе я заметил, как моя левая ладонь, до этого покоящаяся на колене, совсем чуть-чуть развернулась в сторону, а указательный палец приподнялся. Значит, я все-таки когда-то жестикулировал. И, скорее всего, младшая дочь скопировала свой жест с меня.

– Что-то на работе? – председатель клуба быстро заполнил паузу.

– Да, в общем-то, меня уволили с работы.

Далее ни председатель, ни старшая дочь уже не прерывали молчание. Не думаю, что для них эта новость имела какое-то особое значение, просто мои слова очень разнились с моими «стандартными» проблемами, когда меня кто-то обижал и мне нужен был их совет.

– Так вот, теперь у меня нет работы, – продолжил я вяло, – это, наверное, неплохо с одной стороны, потому что я смогу чаще бывать дома, будем вместе проводить время. С другой стороны, у нас не будет источника доходов.

– Что значит «источника доходов»? – спросила старшая дочь.

– Деньги просто неоткуда будет брать. На работе мне давали деньги. Теперь у меня нет работы, значит, и денег теперь тоже не будет.

Может, и не стоило с ними так серьезно. Судя по их озабоченным лицам, они напряглись куда больше моей жены, которая в этом событии пока что увидела только положительную сторону. А может, им просто не так важно мое присутствие в доме, поэтому оценить положительный момент от сказанного мной они не могут.

– Ну, что задумались? – я прервал их размышления и, наклонившись вперед, обеих хлопнул по плечу.

– Ты в любом случае, главное, не расстраивайся, – заговорила утешающим голосом младшая дочь и по совместительству сегодняшний председатель нашего клуба. – Из любой ситуации есть правильный выход.

Мне приятно было слышать слова утешения. Это, в общем-то, тоже стандартная фраза для наших клубных диалогов, только обычно произносил ее я. Что ж, тоже неплохо, если они запоминают словарные обороты и умеют ими пользоваться.

– Наверное, – сказал я неопределенно и покачал головой вверх-вниз.

Я не совсем понимал, как мне дальше себя повести. Эта вполне серьезная проблема выбивалась из круга обсуждаемых нами вопросов. Мне, конечно, было интересно их мнение, но было бы неправильно переигрывать и обременять детей совсем уже взрослыми проблемами.

– А тебе нравилась твоя работа? – поинтересовалась старшая дочь.

– Как тебе сказать. Наверное, да. Просто в последнее время мне стало скучно, я стал уставать от однообразия.

– Так, значит, это не так уж и плохо, что тебя уволили, если тебе и самому в последнее время было уже неинтересно. Может, оно все к лучшему, – с этими словами старшая восьмилетняя дочь приободряющее хлопнула меня по плечу.

– Может, и так.

С детьми разговор мне казался даже тяжелее, чем с женой. Я не мог себе позволить играть их чувствами. Но мне было приятно слышать их слова, и мне нравились их рассуждения.

– Здесь вопрос еще не только в том, что мне нравится, а что нет. Работа приносила мне деньги. На эти деньги мы все покупали. Все машины, обстановку, дом построили.

Мне все-таки хотелось еще послушать их детские взрослые рассуждения.

– Ничего страшного, – подал голос маленький председатель, – хватит нам двух машин. Машины клевые и нам очень нравятся. И дома нам уже хватит менять и переезжать. Этот дом очень хороший и большой, так что останемся здесь навсегда.

– Мне нравятся твои рассуждения, – честно признался я, – только вот понимаешь, в чем дело. Деньги нужны нам не только для того, чтобы покупать машины и строить новые дома. Ведь, чтобы ездить на машинах, нам нужно покупать бензин.

Я подождал немного, пока они уловят мою мысль и согласно кивнут мне.

– Много денег еще мы тратим на еду, на вашу одежду, сапожки, на ваше обучение и всякие секции.

Дети молчали, задумчиво вращая глазами. Безусловно, они понимали все, что я сейчас хотел им сказать. Скорее всего, они анализировали ситуацию на будущее, пытались понять, как может измениться их жизнь. Кроме того, они, конечно, жалели меня, и сейчас им надо было еще найти для меня очередные слова утешения.

– Пап, из любой ситуации есть выход, – второй раз за встречу повторила председатель, – ты, главное, не переживай.

Старшая чесала лоб, усиленно обдумывая сказанное мной.

– Знаешь, я понимаю, конечно, что без денег мы прожить не сможем, – наконец выдала она, – но надо просто все хорошо посчитать. У нас же есть еще и свои деньги, мы сможем потратить их на всю нашу семью.

При этих словах она указала пальцем на маленького председателя.

– Да-да, точно, – согласно закивала председатель, – давай я тебе сразу отдам все свои деньги.

– Постой, – оговорила ее старшая, – мы не должны просто потратить все наши деньги. Я же говорю: надо все хорошо посчитать. Мы должны тратить теперь как можно меньше денег.

Она опять почесала кулаком свой лоб. Мне было интересно наблюдать, как маленькие дети принимают решения, которые не всякий взрослый может принять. Казалось бы, очевидная вещь: в условиях кризиса необходимо

сокращать расходы. Но как часто я встречал взрослых, которые действуют в схожей ситуации абсолютно нелогично. Не желая отказываться от привычного образа жизни, они набирают долги, берут кредиты, добавляются проценты, в результате долги растут, как снежный ком, и заканчивается все это зачастую распродажей имущества.

– Мы, наверное, сможем отказаться от сладостей и каких-нибудь еще там детских продуктов, – выдала наконец старшая, – из того, что мы планировали купить в ближайшее время, можно не покупать мне новый портфель, ну и сапоги еще, наверное: я смогу доходить в старых.

– А я не буду против носить вещи за сестрой, – обрадованно добавил председатель, – у нее полно старых вещей, которые ей малы, а мне в самый раз, теперь мне можно совсем не покупать вещи.

Становилось даже весело, и мне хотелось непременно подыграть им.

– А я не буду пить пиво и вино, это совсем бесполезные для здоровья продукты, а денег на это уходит очень много, – заговорщически сказал я и, подумав, добавил: – Ну или почти не буду.

– Можно самим мыть наши машины, тогда сможем сэкономить на мойке, – продолжил председатель.

– Еще по телефону можно меньше говорить и только по делу, – добавила старшая, – это, конечно, не такие уж большие деньги, но их тоже можно сэкономить.

Мне было уже достаточно их слов и размышлений. Я не мог, обладая приличным достатком, продолжать вынуждать детей искать новые способы сэкономить. Будем считать, что они прошли мое испытание и в моем эксперименте получают зачет. Пусть это будет пока что первым этапом, ведь и дальше у нас будут еще собрания клубов, и моя тема теперь не так скоро ими забудется. Мне понравились их слова, мне понравилось их поведение. Ведь они могли просто не вдумываться в мои проблемы, и я бы их понял, и это было бы нормальным. Я взрослый, и обеспечение детей – это мой вопрос. И, даже если бы меня на самом деле выгнали с работы, я должен был просто искать себе новую работу и не ввязывать детей в рассуждения.

* * *

Время шло. Оно протекало дивной рекой, наполняя сознание гармонией и свободой. С момента моего увольнения прошло уже несколько месяцев. Это было, пожалуй, лучшее время моей жизни. Я ни о чем не думал, я не строил планов на будущее. Все время я – наконец-то! – проводил со своей семьей, воспитывал детей, приобщал их к спорту. Мы часто выезжали в другие города, осматривая местные достопримечательности и коротая совместно время. Я вернулся к чтению книг и к занятиям спортом, с удивлением обнаружив, насколько я деградировал как в духовном, так и физическом плане. Жена время от времени интересовалась моими планами на будущее. Я отвечал, что вроде бы даже ищу работу, но пока, к сожалению, безрезультативно. И, несмотря на все мои усилия, на драматизм моего голоса и выражения лица, мой ответ вызывал у нее неподдельную радость. Она тоже, как и я, испытывала восторг от нашей теперешней совместной жизни, ей нравилось находиться со мною рядом, она умилялась моим воспитанием детей. Если еще учесть нашу постоянную тягу к любому движению, наши нескончаемые поездки и мини-путешествия, то жизнь просто забила ключом. Причем забила вот только сейчас, только-только. А все, что было до этого, – все эти дома, машины, – все это ненастоящее...

Все это хорошо, а как же деньги? Мы должны как-то существовать, кормить и одевать детей, должны оплачивать нашу тягу к активному образу жизни. Реально денег было еще полно, что, несомненно, радовало меня по жизни, но очень напрягало в плане проведения моего эксперимента. Кроме того, и я, и жена, и дети действительно тратили теперь гораздо меньше, что еще намного увеличивало срок нашего безбедного существования. Поэтому ситуацию нужно было форсировать, нужно было постараться избавиться от денег, нужно было действовать.

И я начал активно действовать: просто поменял счет в банке и перекинул туда все оставшиеся накопления. В случайном разговоре обмолвился, что все возможные побочные бизнес-проекты так толком и не заработали и что рассчитывать на них не приходится. Когда в новостях сказали о катастрофическом обвале нефтяных цен, я признался, что все мои игры с акциями и прочими финансовыми бумажками закончились плачевно. Я сделал все, что мог. Но рука судьбы все равно поворачивала в другую сторону. Как оказалось, у супруги тоже были кое-какие запасы денежных средств, сохранившиеся с того времени, когда она работала. Еще выяснилось, что, даже

не работая, а находясь в статусе «по уходу за ребенком» (младшему сыну был год), ей поступали на счет какие-то денежные средства. Не знаю, какие уж там деньги, но она в том числе ссылалась на них, через день покупая в магазине полные тележки продуктов.

Я, в свою очередь, тоже был удивлен тем, насколько мало мне надо в обыденной жизни. За время, что я не работал, мне не пришлось купить себе ни одного дорогого костюма (да что там дорогого – просто ни одного). Я не приобрел ни одного дорогого презента уважаемым «партнерам» и прочим мудакам, перед которыми до сих пор считал себя должным. Я ни разу не завез ни одну машину в автосервис, поскольку пробег был совсем незначительным. Я не ходил по ресторанам, поскольку, как оказалось, жена может чудесно и разнообразно готовить. И в конце концов, находясь постоянно при жене, я не тратился на проституток, существенно экономя бюджет. Единственные статьи расхода, которые увеличились, – это покупка книг (статья расходов не увеличилась, а просто появилась) и пиво (в отсутствие необходимости каждый день ездить на работу, я стал немного баловать себя). Но все это, конечно, копейки, не способные существенно изменить ситуацию.

Эксперимент нужно было спасать. Но как? Я и так сделал все, что мог. Нужно терпение, нужно только подождать, потому что финансовый баланс нашей семьи, как мне казалось навскидку, все равно был отрицательный, и, хотя сторонние денежные поступления продолжали прибывать (собственные источники я быстро все перекрыл), расходы все равно преобладали. Но эксперимент затягивался. Я не знал конечного финансового сальдо нашего семейного бюджета, поэтому с трудом мог даже предположить, как долго мы сможем продолжать жить припеваючи. Я даже не предполагал, сколько сейчас мы тратим на семью, какая сумма сбережений сейчас находится у супруги, откуда и в каком объеме ей поступают прочие выплаты. Но время шло, и не было даже никаких предварительных признаков семейного финансового кризиса.

Ситуацию нужно было расшатывать, нужно было начинать провокации. В конце концов, перебарывая свою независимость и гордость самца, я начал просить деньги у жены. Как я думал раньше, у любой женщины сей факт должен надолго отбить любые чувства. И, возможно, уже в этот момент должно было что-то произойти, что позволило бы мне поставить точку или временное логическое завершение моего эксперимента в отношении супруги. Но, как оказалось, я плохо знаю женщин, фактически не знаю совсем. Да что уж там женщин, я даже не знаю своей жены. Хотя, с другой стороны, откуда я мог ее

знать до этого? Я же работал. Для меня всегда это было таким исчерпывающим аргументом, что позволяло мне совершенно не думать о своей семье и своих детях.

Итак, сначала я просил у нее в долг, что-то нервно бубня о том, что в скором времени должны подойти какие-то деньги и я все верну. Понятно, что никакие деньги никуда не подходили (в реальности, как на зло, они просто сыпались на голову). Потом я просто просил деньги без всяких обещаний, без надежды, без перспектив. Она находила деньги и давала их мне. Что раздражало больше всего: она ни о чем не спрашивала, будто все это вполне естественно и обычно. Только один раз, когда я попросил приличную сумму, она серьезно насторожилась. Я попал в точку и чувствовал, что это должно быть началом проблем в отношениях. У нее просто не было таких денег. Сдерживая смущение и волнение, она все же поинтересовалась назначением такой суммы. Как можно пренебрежительней, будто речь о пустяках, я сказал, что нужно немного подремонтировать машинку. Мысли бегали в ее голове, она старалась повернуться в сторону, чтобы не выдавать своих эмоций, и в конце концов сказала, что на днях что-нибудь придумает. Мне было ее очень жаль. За последнее время мы очень сильно сблизились. Как муж с женой, как брат с сестрой, как единый организм, по которому качается общая кровь, и потеря каждой капли крови сказывается на обоих. Но мне нужно закончить главу, еще совсем чуть-чуть, вот допишу, и все. Потом во всем признаюсь, а может, и нет, смотря как все будет развиваться и во что выльется.

– А мне нужно сегодня, – сказал я как можно равнодушной, пытаюсь развить ситуацию и спровоцировать супругу.

– Зачем так срочно? – она пыталась вторить моей безразличности, но глаза выдавали ее.

– Машину ремонтировать, я же говорил, давно с ней ничего не делал, теперь повылезало много старых «болячек».

– Ну а в чем срочность? – повторила она свой вопрос, на этот раз выглядя действительно спокойно. – Возьми другую, а на днях придумаем с деньгами.

Я на мгновение задумался и, таким образом, потерял темп. А она за это время, казалось, абсолютно пришла в себя. Да, все логично. Просто возьми другую

машину. Блин, с такими ресурсами и запасами о бедности приходится только мечтать. Сказать, что и другая сломалась? Чушь.

– Я пошутил, машина в норме, мне просто нужны деньги, потом расскажу, – самое простое и убедительное, что мне пришло в голову.

Еще в начале эксперимента я решил, что, мотивируя потребность денег, не буду прибегать к крайним формам. Просто нужны деньги. Все. Как потом окажется, с учетом того, что я никогда ранее не занимал, это на самом деле куда действеннее. Просто «мне нужны деньги» куда эффективней всяких соплей о тяжелом положении, детях и еще чего-нибудь. Да и врать убедительно все равно не получится.

Через полчаса жена привезла мне требуемую сумму.

– Посмотри там, хватает? – теперь она уже была действительно безразличной.

– Да, вроде.

Ведь деньги мне были якобы для чего-то нужны, причем достаточно срочно, поэтому подняться к себе в кабинет и усестись за компьютером было нелогично. Нужно было куда-нибудь на время отъехать. К тому же эти деньги могли попасться жене на глаза. Я не придумал ничего лучше, чем поехать в банк и положить деньги на свой новый счет, продолжая плодить запасы.

* * *

Накал ситуации проходит без особых проблем, провокации не достигают конечной цели. Что дальше? Что ещё придумать? А нужно ли на самом деле что-то еще придумывать? А если и нужно, то нужно понять, до какого предела все это должно продолжаться. Сложившаяся на текущий момент ситуация уже говорит о многом. Я понял цену нашим отношениям. Я за пару месяцев узнал свою жену так, как не мог узнать ее в течение многих лет совместной жизни. Я смотрел на нее другими глазами. Я не понимал: как же я недооценивал ее до сих пор? Просто не хотелось? Или не было времени? Ах да, я же работал. Смотря в прошлое сквозь призму наших последних отношений, я начал понимать, что так было всегда, что все то, очень важное и очень нужное, что делал я, – все это

было лишь маленькой частью нашего общего дела. Что все эти годы она также молчаливо и спокойно исправляла все мои «косяки», принимала все семейные сложности, не ожидая особой помощи или компромиссов от меня. Для нее, в общем-то, жизнь никак не изменилась. У нас не было полноценной семейной жизни, но были какие-то деньги. Теперь мы вместе всегда, но у нас нет денег. Неизменно только одно: моя жена в любое время реально меняет ситуацию и решает проблемы, в то время как я занимаюсь важной работой или пытаюсь понять смысл жизни, провоцируя всех и занимая у всех деньги.

Но что теперь, признаться ей во всем? А что она подумает, и как могут измениться наши отношения после этого? Несмотря ни на что, я принял решение продолжать свой опыт: с прежним энтузиазмом занимал у нее деньги и устраивал мелкие провокации. Сложнее всего было то, что я не мог понять, каким должен быть финал. Что должно случиться, чтобы я смог остановиться. Неужели я не успокоюсь, пока наконец не развалю семью, пока мы не разведемся? Нет, я совсем не хочу этого. Никогда не хотел, а теперь и вовсе не смог бы простить себе подобного. Но все мои действия или бездействия вели только к этому. Проверка прошла, выводы сделаны, но я хочу большего! Я хочу упиваться безупречностью и святостью наших отношений! Какие-то ниточки, связывающие нас, способны удержать весь мир, всю Вселенную. Я все поставил на кон, театрально наврал ей еще больше. Но мы все еще вместе, мы счастливы. Мы счастливы, как никогда прежде, и каждый новый день приносит новое счастье и новое осмысление жизни.

С течением времени денег в семье действительно стало не хватать. Я даже чувствовал иногда некоторую неловкость, когда пополнял счета, снимал или переводил деньги по своим личным счетам. Жена в это время экономила на всем. Больше всего – на себе, немного на детях, и лишь мое принципиальное расточительство никак не вписывалось в эту картину. Я чувствовал себя полным подлецом, одновременно рассматривая увядание финансового благополучия своей семьи и свои личные банковские карты. Но бремя тяжести моей миссии сглаживало все угрызения совести. Я уже не понимал сути этой миссии, что и кому я должен доказать, но по инерции продолжал чего-то ждать.

Развязка все же наступила. Мы просто ужинали, все как обычно. Дети закончили быстрее, покидали тарелки в мойку и куда-то убежали.

– Знаешь, мы хорошо проводим время, я очень рада, что мы всегда вместе, но нам уже не хватает денег, – осторожно сказала жена и внимательно посмотрела

на меня, изучая мою реакцию.

В последовавшую за этим паузу я быстро проанализировал все возможные последующие шаги этой игры. Она должна осторожно спросить про мою работу, про иные возможности финансовых поступлений, да и просто про то, как я собираюсь справляться с этой ситуацией и какие у меня планы на будущее. После моего игнорирования она, возможно, заговорит об этом более жестко. Потом, вероятно, она начнет ссылаться на детей и необходимость тратить на них деньги.

– Денег всегда не хватает, – ответил я философски, но звучало это полным издевательством.

– Да, мы всегда могли уменьшить наши амбиции, сократить расходы и жить по средствам, но сейчас их действительно не хватает. Я не могу экономить на детях, – она опять очень пронизательно на меня смотрела, изучая и в то же время будто опасаясь моей реакции.

Я молча отметил про себя, что она пропустила второй шаг, что не повышала голоса и не раздражалась, а сразу спокойно перешла к детям. Это значит, что к разговору она хорошо готовилась, что моя флегматичность для нее ожидаема и что, несмотря на суть моих ответов, она просто должна мне что-то сообщить. Но что? Поставить условие, пригрозить разводом? В следующие доли секунды мой мозг взорвался от болезненного удовольствия. Это победа! Я разорвал эту нить! Я отделил наши группы крови. Я понял, сколько я ей должен. Я не знаю пока суммы, но главное, что я способен это измерить деньгами. Нужно только посчитать, нужно определить методику расчета.

– На детях, конечно же, нельзя экономить, – ответил я и многозначительно покачал головой.

Как правильно посчитать сумму моего долга? Может, просто сложить все деньги, которые она мне давала за это время: сначала в долг, а потом уже просто так? Получится не так уж и густо. Были некоторые крупные просьбы на ремонт авто, на наши небольшие путешествия, но в основном были мелочные суммы на текущие расходы. Сколько же это будет навскидку? Тысяч пять долларов или десять? Наверное, так. А если эту сумму разделить на годы нашей совместной жизни? А может, на месяцы? На дни? На секунды? Вполне недорого

получается... Вот она теперь обрадуется моим расчетам. Захочет развестись со мной, а я тут беру и достаю сотку долларов: «Задержись, дорогая, на пару недель. Я посчитал, сколько я тебе должен, этого хватит. Все посчитано, с математикой не поспоришь». Теорема доказана, блин.

– Может, у тебя есть какие-то идеи? – спросила она без особой надежды.

Да какие, на хрен, идеи! У меня есть только одна идея: посчитать все вокруг и перевести это в деньги. Все, абсолютно все. Вот я уже почти посчитал и тебя, и меня, и наши отношения. Калькулятор только нужен. На очереди – все друзья и знакомые. Вот моя идея. Я хочу понять, кому я должен. Не знаю, зачем, не знаю, что будет потом, но сейчас это моя единственная идея. Да, я эгоист и полный придурок. Я ставлю на кон тебя, наши отношения, нашу семью, чтобы что-то понять, чтобы сделать еще один шаг в моем прозрении, а может быть, чтобы уже окончательно сойти с ума.

– Не, вообще никаких идей. Представляешь? – ухмыльнулся я вслух.

Похоже, мой тон ее абсолютно не расстраивал. Она говорила то, что должна была говорить. Независимо от моих слов, от моей интонации. Ну давай уже, не томи! К чему все эти прелюдии?

Вообще-то измерять мой долг только деньгами, что передала мне она, наверное, не совсем правильно. Ведь она вела прочие расходы, которые в прежней жизни оплачивал я. Ведь я должен же был обеспечивать детей всем необходимым, платить коммунальные платежи, покупать продукты и тому подобное. Нужно продумать методику расчетов. Тут не нужно спешить. Важна любая копейка.

– Знаешь, на самом деле я уже все решила, – сказала она абсолютно спокойно и даже немного обрадовано.

Ну вот он – момент истины! Я сделал это, я дождался, я дотерпел! Развод? Разлад? Раскол? Но почему так? Почему она так спокойна и даже словно буднична? Никакого волнения, нет даже намеков на дрожь в голосе. Подготовила так себя? Смирилась с мыслью? Нет, это нереально. Она не робот, должны же быть хоть какие-то эмоции. Или ей действительно плевать на меня и на наши отношения? В общем-то, ничего удивительного. По моим расчетам, наши отношения не так уж дорого стоят (наверное, можно посчитать сумму

долга разными методиками, после чего оценить корреляцию). Но все равно нельзя же говорить о таких вещах с полным безразличием в голосе и даже какой-то радостью. Это невозможно. Может, за это ей сделать дисконт к моему долгу? Десятипроцентную скидку? Рублем наказать?

– Не переживай, я все посчитала, – продолжала жена уже чуть ли не восторженно.

Приплыли... Она все посчитала?! А я тогда чего считаю? Что вообще происходит, как она могла все посчитать? А скидку в десять процентов ты учла? За твое безразличие. Эгоистка. И не надо ничего считать, я сам все посчитаю. Это моя идея, это моя жизнь.

– Получается не так уж и много.

Ее слова уже звучали в моем мозге далеким эхом. Иногда звуки приближались и звучали совсем рядом, возле моего уха. Но тогда звуки замедлялись и слова сильно растягивались. Королевство кривых зеркал. Звуки или совсем рядом, но полные и растянутые, или очень далеко, тонкие и еле слышные.

Она все посчитала, и получается не так уж и много. Что ж, согласен. У меня примерно столько же получилось. Все сошлось, теорема доказана двумя способами. Но почему же нет удовлетворения от проделанного? Есть пустота, есть бесконечность. В сознании бешеным вихрем пролетали моменты последних месяцев жизни. Это бесконечное счастье! Такое же бесконечное, как сейчас пустота. Я поставил все на кон, и я проиграл. Я обменял свою жизнь и свое счастье на осознание цены наших отношений. У меня была семья, а теперь есть только стоимость (и то примерная, надо все же откорректировать расчеты). Фемида, блин. Две чаши весов. На одной лежит пачка баксов. На другой чаше – моя жена, мои дети (не они, конечно, а их уменьшенные копии), куклы. Еще с ними же на чаше лежит несколько розовых свертков. Это еще что такое? Какие-то надписи на свертках. «Счастье». «Любовь». Что за бред? Черная дыра неумолимо засасывала мое сознание...

– Получается не так уж и много, – вновь повторила жена с еще большим восторгом, – в основном, конечно, продукты. Есть коммунальные платежи за дом, за детский садик, но это все менее затратное. В общем, если особо не шиковать, то моего оклада вполне на это хватит. Тебе не придется напрягаться

вообще, и ты можешь спокойно решать вопросы относительно своей будущей деятельности. Я же вижу, как ты переживаешь из-за отсутствия денег в семье и готов пойти на любую работу. Теперь все будет нормально, не спеши, не разменивайся по мелочам, найди себе достойное применение, реализуй свои таланты в чем-то еще.

Черная воронка остановила свое движение. Сознание стало возвращаться. Слова ее слышались в обычном темпе, на обычном расстоянии.

– Какого оклада? – спросил я, не слыша своего голоса.

– Моего оклада. Я же тебе сказала только что, что решила выйти на работу. Не перечь только мне, пожалуйста. Я уже все решила, я уже все посчитала, получается, не так уж много нам надо для жизни, моего оклада хватит, – жена прервалась на мгновение. – А ты что, меня совсем не слушал?

– Просто задумался чуть-чуть.

Потребовалось несколько часов, чтобы я смог осознать смысл этого разговора. Я слишком заиклился на своем опыте, перестал доверять людям, меня преследует ощущение чего-то худшего. Хотя, может, по своей сути это событие – из ряда вон выходящее. Ситуация достаточно проста: я добился своей цели и, применяя все способы, оставил семью без денег. Нет, мы, конечно, не голодали (всем бы так поголодать!) и достаточно долго жили просто припеваючи, но денег на привычный образ жизни перестало хватать. Потом денег перестало хватать и на менее привычный образ жизни. Если добавить к этому мои провокации и мое видимое безразличие относительно будущего, то ситуация была близка к критической. В каждый момент я ожидал накала в отношениях с супругой. Это обычно, это нормально. Это естественно для женщины, привыкшей если не к роскоши, то уж точно к достатку, и уж тем более для женщины, имеющей семью и заботящейся о ней. Это непременно должно было произойти.

Но время шло. Мы прекрасно проводили это время. Я наслаждался жизнью, и в то же время с каждой секундой я все больше ждал развязки. Развязка была неизбежна, я это понимал. Я понимал и то, что чем дальше мы заходим, чем больше проходит времени, тем драматичней и оглушительней будет финал. Я ожидал этого взрыва! Я был готов к его неизбежности. Готов настолько, что мой

мозг, устав быть в остром предвкушении чего-то громкого, практически воссоздал ожидаемый мной финал в моем сознании. Воссоздал настолько четко, что я начал терять связь с реальностью. А реальность настолько проста, но настолько ненормальна, что и реальностью это назвать сложно. Развязка пошла совсем в другом направлении. Ко мне, как и прежде, со стороны семьи не нашлось ни единой претензии. Более того, жена сказала, что я не должен спешить в выборе способа самореализации и применения своих талантов; про банальный поиск работы, про отсутствие в семье денег не было даже и речи. Но денег не было, и с этим надо было что-то делать. Супруга решила и этот вопрос. И решила, конечно же, без меня, ведь нельзя же было меня сбивать с пути поиска, пути самопознания и тратить мои таланты на тупое зарабатывание денег. Она просто сама пошла на работу. Наверное, этих денег может не хватить для шикарной жизни, но хватит для нормального развития и воспитания детей (я не вникал в суммы: по ее словам, она все посчитала). Я, в общем-то, и сам за последнее время изменил отношение к деньгам и понял, что львиная доля заработанных денег уходит просто на поддержание самого процесса их зарабатывания. Поэтому ее зарплата, хоть и скромного, наверняка хватит на нашу семью.

Ну что ж, приступаем к разбору полетов. Первый блин комом, эксперимент провален. Она все посчитала, ее дохода хватит на существование нашей семьи. Я могу и дальше проводить время с детьми, читать книги, пить пиво или заниматься спортом. Как дальше можно повернуть ситуацию, можно ли продолжить опыт? Опять провоцировать, тратить гораздо больше, чем есть? Нет, все не то. Если все эти провокации не действовали в отсутствие источников дохода, то теперь это просто пустое. Получается, что любовь восторжествовала. Наши чувства чисты и святы, их невозможно измерить деньгами. И, несмотря на это, на душе легкое разочарование. Ощущение проигрыша. Мало того, что я никому ничего не доказал, так теперь еще и денег нет, и работу потерял.

А что жена? Что я вынес из этого опыта? Безусловно, я пересмотрел заново все наши отношения. Я восторгаюсь и счастлив оттого, что она была частью моей жизни, моего болезненного сознания, моей плоти. Возможно, она тоже пересмотрит наши отношения, когда прочитает весь этот бред, когда поймет, ради чего я ставлю на кон благополучие нашей семьи, когда узнает о моей куче счетов с кучей нулей, в то время как она сэкономила копейки. Может, тогда и произойдет развязка, которой я так упорно ждал. За годы нашей жизни она, конечно, привыкла к моим нестандартным решениям, к моим принципам и взглядам на жизнь, но на этот раз я, несомненно, перегнул палку. Ну что ж, придется оправдываться. Пожалуй, я посвящу ей свое творчество. С любовью!

Вечной! Неподкупной!

Глава 5. Друзья

Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих.

Евангелие от Иоанна, 15:13

Чтобы понять содержание этой главы и правильным образом суметь оценить ее, нужно понимать, кто же такие друзья? Каждый воспринимает это понятие по-своему, исходя из своего личного опыта, исходя из тех «друзей», которые есть в данный момент и которые встречались по жизни. У каждого человека есть сотни примеров как преданной, так и никчемной дружбы. Традиционно дружба бывает мужской, но бывает дружба и женская, бывает дружба между мужчиной и женщиной. Но понятие дружбы в этом случае очень тонкое и изощренное. А может, я просто не имел соответствующего опыта, поэтому обладаю искривленным представлением?...

Наибольшее количество друзей, как мне кажется, у каждого было в самом детстве. Друзья, правда, быстро менялись. Менялись в зависимости от результатов командной игры, от наличия или отсутствия игрушек, от возможных альтернатив в выборе друзей. И эта мелкая и непостоянная дружба должна быть самой искренней. Потому что дети не умеют врать, а если и врут, то делают это крайне неубедительно, потому что только учатся. Но, тем не менее, мы не склонны воспринимать детскую дружбу как искреннюю и основополагающую. Слишком быстро она протекает, и вроде бы не должна дружба измеряться успехами одного из друзей, наличием игрушек и т. д. Вроде бы неправильно это, корыстно, завистливо. Но правда именно и заключается в этой открытости и искренности. Именно эта дружба и есть настоящая, потому что включает в себя не только само слово «дружба» и некоторую связь между друзьями, позволяющую им таковыми быть.

Потому что в любой дружбе необходима корысть. И корысть должна быть обоюдная. Необязательно сиюминутная. Она может быть выражена в прошлом, и тогда в настоящем и будущем вы будете дружить «по инерции», испытывая чувство долга и рассчитывая на благосклонность друга в трудной ситуации.

Корысть может быть в настоящем времени, но это очень скользкая дружба, как говорят, не проверенная временем, и при неполучении ожидаемых результатов дружба может окончиться так же быстро, как и началась. Корысть может быть связана и с будущим. Это лучший вариант, чем корысть, связанная с настоящим, ибо позволяет рассчитывать на поддержку и помощь в будущем, и поэтому дружба длится продолжительное время. Но, конечно же, корысть в будущем уступает корысти в прошлом, потому что основана не на проверенных личным опытом фактах, а на догадках, предположении или чужом мнении. Важно еще, конечно, понимать всю ширину применяемого мной слова «корысть». Это далеко не деньги или даже просто какие-то материальные блага. Сюда я также закладываю и все нематериальное. Рассчитываешь ты на то, что друг поможет тебе в беде, сложной ситуации, драке, – значит, это тоже корысть.

Бывает ли дружба без корысти? Вряд ли. Конечно, вы можете встречаться, коротать вместе время, при условии что у обоих одновременно есть свободное время, но если вам друг от друга ничего не надо, то дружба кончится, когда кончится свободное время или график свободного времени перестанет совпадать. Так бывает чаще всего: заканчиваешь школу или институт, меняешь место жительства или находишь новую работу – и все, друзья «не разлей вода», которые всегда были неразлучны, теперь и не знают вовсе. И дело не в том, что теперь далеко или неудобно встречаться, ведь друзьям можно и не встречаться вовсе. Дело в том, что, кроме этих встреч, вас ничего и не связывало: нет предмета, нет интереса, нет корысти. И неважно, в каком возрасте вы выбираете себе друзей. Разница лишь в том, что в детстве все искренней, и конкретная корысть и мотивация дружбы звучит прямо и открыто. С годами все якобы усложняется, появляется понимание жизни, необходимость в самореализации, ответственность и прочая фигня, затмевающая сознание и препятствующая адекватному пониманию вещей. На самом деле не меняется ничего. Да, игрушки уже другие, машинки уже не такие маленькие, командный успех проявляется не в дворовом футболе, а в бизнесе, но суть не меняется. И если у вас есть обоюдная корысть, то вы друзья.

Не имей сто рублей, а имей сто друзей. И не поспоришь ведь со старинной поговоркой. Или поспоришь? Но поспоришь о чем? Воспринимая буквально все слова, становится очевидно, что и спорить-то не о чем. Сто рублей – это пара бутылок пива вместо ста друзей. И даже не важно, что это за друзья, какие корыстные мотивы вас связывают и связывают ли вообще. Но сдаётся мне, что приведенные сто рублей не более чем аллегория, просто пример численного выражения денег, на самом деле не подразумевающий и не несущий в себе никаких количественных выражений, а обозначающий всего лишь некоторое

богатство. Тогда задача усложняется. Усложняется до невозможности ее решения в принципе, поскольку для решения недостаточно исходных данных. Если мы установили, что дружба основана на обоюдной корысти (необязательно денежной и материальной вообще), то очевидно, что, имея большую сумму денег, возможно решить если не все, то большую часть корыстных потребностей в твоём друге. То есть в данном случае важно, сколько конкретно денег стоит за формальными «ста рублями», и важно понимать степень корысти по отношению к другу. Вполне возможно, что обозначенная сумма легко может перекрыть эту дружбу. Уровень дружбы здесь имеет прямую зависимость к изначальной сумме денег, оговоренной условно в поговорке. То есть для компенсации дружбы, не основанной на сильных взаимоотношениях, не требуется существенной суммы денег. Получается, что если рассматривать поговорку как просто невозможность сопоставления дружбы и денег, то это в корне неверно как в теории, так и на практике. Полно жизненных примеров, когда лучшие друзья, став, например, партнерами в бизнесе, расходятся на денежной почве. Для этого подтверждения есть другая поговорка: «Хочешь потерять друга – дай ему в долг». Очевидно, что эти категории можно сопоставлять, и вопрос только в том, кто конкретно эти сто друзей и на что они способны, с одной стороны, и какая реальная сумма стоит за ста рублями – с другой.

«Старый друг лучше новых двух». Это еще одна поговорка, к которой нас приучают еще со школы. А действительно ли старый лучше? Скорее всего, здесь речь идет не о возрасте, а об относительном сроке знакомства с тремя людьми, с одним из которых ты знаком дольше, чем с двумя другими. Что это может дать с практической точки зрения? Практически ничего без понимания степени взаимной корысти или, говоря другими словами, уровня дружбы. То есть опять некоторая аллегория, призванная дать понятийный посыл без привязки к реальности. Попробуем допустить, что все три друга абсолютно одинаковые и имеют одинаковый условный вес и влияние на своего друга. Но если все они одинаковы, то в чем может быть преимущество одного перед двумя? Речь идет, видимо, о некоторой стабильности будущего, основанной на прошлом. Работаешь ты, например, сорок лет своей жизни, а потом выходишь на пенсию, и государство тебе выплачивает некоторое денежное содержание, несмотря на то что самому государству ты уже абсолютно бесполезен. Так же получается и со старым другом: вот дружил он с тобой когда-то, помогали вы друг другу в чем-то, то есть корысть обоюдная была. Но потом появились новые друзья, которых больше по количеству или обоюдные, общие ваши интересы выходят на принципиально новый уровень. Но при этом остается старый друг, который при этом почему-то должен быть лучше. Срок хранения потому что большой, выдержка больше, как у хорошего коньяка... Спорно все это. И не всегда

подтверждается в жизни, а если еще жизнь пытаться раскачивать, подобно моему эксперименту, так и вообще получается зависимость чуть ли не обратная. Как много людей, которых ты видишь впервые, готовы прийти тебе на помощь, и как часто бывает, что те, кто находится недалеко от тебя, способны только на то, чтобы стукнуть своей рюмкой о твою и произнести банальное: «За встречу!»

Необходимо также еще заметить в самом начале этой главы, что в традиционном понимании дружбы большинством людей друзей у меня, наверное, и нет вовсе. Это если смотреть на дружбу именно с большой буквы, веря во все перечисленные выше пословицы и непременно приводя в синонимы слова «дружба» такие слова, как «верность», «неподкупность», «преданность» и т. д. Может, потому что я неудачник и еще не встретил в жизни настоящих друзей. А скорее, потому что в принципе я человек самодостаточный. Я не испытываю потребности в деньгах и других материальных благах (по крайней мере, пока у меня еще не кончились накопления и дивиденды со старых инвестиций), не испытываю потребности в общении в повседневной жизни и способен сто лет просидеть один в запертой комнате (пока не пробовал: это, возможно, будет следующим экспериментом), мне не нужно самоутверждаться, хваясь своими мнимыми или не мнимыми достижениями, и вдыхать всеми фибрами одобрение, замешанное с завистью. Я вовсе не инертный или замкнутый, просто все свои потребности, а они зачастую далеко не простые или ординарные, я способен удовлетворять самостоятельно или с помощью моей жены (здесь должен стоять подмигивающий смайлик, а через несколько пробелов – смайлик с баяном, который не будет нести смысловой нагрузки, просто он мне нравится). Нет, ну мне, конечно, приятно, что в моей телефонной книге есть номера, набрав которые, я могу попросить толкнуть из снега застрявшую машину (представляю, как озадачились прочитанным жители Москвы и еще нескольких крупных городов, но поверьте: так бывает, что машины, даже полноприводные, застревают в снегу на дороге), или приехать и переставить мебель с места на место, или сделать еще какие-нибудь мелочи, платить за которые деньги рука не поднимается, а самому сделать не под силу.

В общем и целом каждый человек вкладывает свое сокровенное понятие в слово «дружба», а я – свое, и именно таким образом я определил небольшой круг лиц, порывшись в адресной книжке своего телефона. На этом все. Достаточно прелюдий. К делу.

* * *

Саша С. был человеком, который, так или иначе, присутствовал на всех этапах моей жизни. Наверное, мы не были друзьями в понимании большинства людей, и, когда жизнь нас разводила в стороны, ни один из нас этому не противился. В детстве он жил домов через пять от моего дома на перпендикулярной улице – в так называемом частном секторе. Сложно отметить что-то необычное из самого детства. Может, забывается за ненужностью, а может, ничего необычного и не было вовсе. Обычные дети из обычных бедных семей обычно убивали время тем, что лазили по помойке. Это была большая помойка, располагавшаяся совсем недалеко от наших домов вдоль маленькой речушки, название которой в детстве мне казалось иностранным, но все называли речку просто «вонючкой». О смысле этого названия я задумался только сейчас, а тогда это была просто речка-вонючка, просто название, сочетание букв. На помойке всегда было интересно, можно было встретить много разных любопытных вещей, а иногда попадались даже старые сломанные игрушки. Верхом везения было найти на помойке солдатику. Но чтобы что-то найти на помойке, нужно было потрудиться и, вооружившись толстой палкой, усердно ковырять мусор. Саша С. еще с детства не был склонен к физическому труду, а потому, когда все дети упорно ковыряли мусор, он – то ли от зависти к найденному, то ли оправдывая собственное безделье, – говорил, что ему такие игрушки купят родители. Но это было только наполовину правдой, а может только наполовину ложью. Потому что иногда ему действительно покупали игрушки, и вроде даже нередко, ведь он был единственным ребенком в семье и казался набалованным. Но ложью это было наполовину потому, что, как я уже писал выше, мы были из бедных семей, что, естественно, ограничивало его воображение о новых игрушках, но вместе с тем не было достаточным стимулом, чтобы ковырять мусор наряду с остальными.

Из этого описания можно подумать о некой его брезгливости не только к физическому труду, но и к помойке в целом. Но это было не так. Еще одним развлечением детства было есть зубную пасту, выдавливая остатки из найденных на помойке тюбиков. Конечно, хоть мы и были из бедных семей, мы отнюдь не голодали, и природу этого явления я объяснить не могу, поскольку и вкус зубных паст тогда был неподдельно противным. Сложностей с поиском выброшенных тюбиков из-под зубной пасты обычно не возникало, посему в этом деле, как мне тогда казалось, Саша С. преуспел гораздо больше остальных. Когда другие дети ковыряли палками мусор в поисках игрушек или просто прикольных вещей, стараясь углубиться как можно дальше, Саша С. ловко скручивал крышки с тюбиков, клал тюбики на землю (или что там было под ногами), нажимал ногой на тюбик или даже прыгал на нем одной ногой, поднимал и слизывал выдавленное.

Позже, через пару лет, свалку мусора там запретили, мусор, наверное, тоже увезли, а может, он сам куда-то делся: речка-вонючка, например, разнесла по просторам нашей необъятной родины (я помню, как еще в детстве старший брат рассказывал мне очередность рек, в которые впадает наша речка-вонючка, и потом в какое-то море), но место наших встреч осталось неизменным. Берег вонючки тянул нас к себе. Мы собирались там каждый день, обязательно жгли костер, курили сухие листья деревьев, неумело закручивая их в газету, пекли вырытую где-нибудь неподалеку – в чужом огороде – картошку. Саша С. был обычным пареньком, разве что иногда приносил из дома короткие отцовские окурки, и тогда мы добавляли в сухие листья деревьев настоящий табак!

Лет в четырнадцать мы уже стали встречаться в каких-то сомнительных компаниях, где курили уже не листья деревьев. Я не был приверженцем подобного времяпровождения, поэтому в этот период мы несколько потеряли друг друга из виду. Не то чтобы я чего-то или кого-то чурался (среда обитания, взрастившая меня, безусловно, оказывала на меня определенное давление, поэтому достаточно рано я попробовал алкоголь и иногда курил дешевые сигареты без фильтра), просто меня удручал сам факт бесцельного просиживания и никчемных разговоров. Алкоголь в компаниях был совсем не всегда, поэтому обычно компании просто сидели на задворках какого-нибудь старого дома или в подъезде дома в холодное время года. Разговоры были совсем не высокоинтеллектуальными и сводились чаще к вымышленным историям о драках или успешных встречах с девушками. Кроме этого, Сашу С., который был на год младше и, соответственно, учился на класс ниже, почему-то выгнали из школы, и он ходил на другой конец города в другую школу. Я толком так и не понял, почему его выгнали, может быть, ему было неинтересно. Поэтому встречались мы все реже, разве что на каких-нибудь масштабных драках район на район, где собирались обычно все подростки.

Несмотря на невзрачную среду обитания, заложенный природой интеллект позволил нам обоим закончить школу, каждый свою, и поступить в университет, который находился в областном центре на расстоянии семидесяти километров от нашего городка. Я, соответственно, уехал на один год раньше, поскольку был старше него, и, пожалуй что, в этот год мы с ним практически не встречались. Университет был достаточно убог и беден даже по тогдашнему моему пониманию, но это был, наверное, единственный на тот момент университет в нашей области, не считая педагогического, а уехать учиться в другую область не позволяло материальное положение.

Ну что сказать, отдаленность, хоть и небольшая, от родительского дома и самостоятельная жизнь первично действовали на всех одинаково: все студенты, покинувши отчий дом, теряли голову и черпали новое вдохновение для жизни. А вот дальше уже шла разница, поскольку вдохновение все черпали из разных источников, как, собственно, и реализовывали свое вдохновение все по-своему. В основной массе все было достаточно банально, мало кто вдохновлялся учебой, особенно на первом курсе, а вдохновение обычно черпалось из спиртного, и в это же спиртное вдохновение возвращалось. Получался некий замкнутый круг, внешне напоминавший беспробудную пьянку. Но только ухищренный особой мудростью мозг мог видеть в этом перерождение вдохновения из одной стадии в другую. Не так часто, но все же проскакивала и тема легких наркотиков. Я далеко не специалист, но, насколько мог ориентироваться в ценах, рядовой студент не мог позволить себе принимать наркотики по материальному положению. Поэтому внешне это выглядело так же, как я в детстве курил листья деревьев: марихуана (или что там было на самом деле) курилась студентами с очень важным видом, потом неумело и театрально имитировался «приход». Эту тему я отверг для себя сразу и навсегда.

Но то все, как я говорил, основная масса, к коей я, естественно, не относил себя и иногда Сашу С. Во что мы могли выплеснуть свое первое вдохновение, учась непонятно чему в техническом вузе? Конечно, в поэзию. Это нас не объединяло, не разъединяло, это вообще, пожалуй, никак не влияло на наши отношения. Просто мы писали стихи. Каждый свои. Я любил потом свои стихи читать девушкам, что, безусловно, давало мне некоторое преимущество в отношениях и позволяло рассчитывать на большее. Хотя, если уж отвлекся, совсем не всегда девушки воспринимали мои стихи и хотели их слушать, а читать мне их хотелось. Тогда я доставал записку, снимал проститутку и читал стихи ей, поскольку у нее права выбора уже не было. Саша С. любил читать свои стихи куда больше моего. Он мог читать их кому угодно, где угодно и сколько угодно. В основном это был один стих, который, наверное, знали наизусть уже все, даже кто вовсе не знал Сашу С. Впрочем, у него так же, как и у меня, были проблемы со слушателями, не знаю, снимал ли он для этого проституток (я знаю, что снимал, но не знаю, для чего), но в любом случае это был не выход, поскольку удовольствие для нас тогдашних было совсем не из дешевых.

Выход пришел сам собой: мы стали читать стихи друг другу. Как оказалось, стихи было не только интересно читать, но и слушать. Этот момент, безусловно, сблизил нас на какое-то время. Мы встречались, напивались дешевыми спиртными напитками, не имея абсолютно никакого вкуса или предпочтения, а руководствуясь только ценой, после чего от одного звучало сокровенное: «Ну,

есть что-то новенькое». И так начинался наш вечер поэзии. Иногда, конечно, этому еще предшествовала небольшая «ломка» со стороны каждого из нас: что, дескать, материал совсем сырой, вот-вот в трамвае на салфетке написал. Обычно это лечилось еще дозой спиртного, после чего уже рифма просто сотрясала стены какой-нибудь дешевой забегаловки, или же насекомые центрального парка замирали в восторге, позабыв о своих подлых намерениях. И я действительно получал удовольствие от таких встреч. Более того, если для студенток младших курсов достаточно было иметь в арсенале парочку сопливых стихов про любовь, что, естественно, не способствовало прогрессу в творчестве, то встретиться с Сашей С., не имея в активе парочку новых мощных произведений, было невозможно. И тогда я брался за перо! (Блин, как звучит! Даже не буду редактировать.) Я переносил встречу под любыми предлогами, если у меня не было новых стихов, и заставлял себя что-то сочинять.

Я просто сочинял, совсем не озадачиваясь последующей сохранностью написанного, и зачастую просто выкидывал рукописи, поскольку это не имело особого значения: Саша С. это уже слышал, повторно читать было моветоном, а, кроме него, моим творчеством никто так и не заинтересовался. Хотя не совсем так. Позднее, когда я, наверное, уже ничего не писал, моими стихами неподдельно заинтересовалась одна девушка, впоследствии ставшая моей женой (а может, она этим меня и подкупила?). Я позволил ей тогда поковыряться в моем ящике, откуда она взяла кучу листочков бумаги с написанными корявым почерком стихами. Конечно, это была небольшая часть от реально написанного и утерянного. Она их так и хранила, и уже через много, много лет из этой кучи бумаги она отобрала небольшую часть по цензурным и этическим соображениям и издала мой сборник стихов на сто сорок страниц.

Это я не хваюсь вовсе, а всего лишь пытаюсь передать реальный масштаб наших скромных поэтических встреч. Это было мощно и по-настоящему вдохновенно! Я не берусь оценивать свое творчество, потому как абсолютно не компетентен в этом. Да и как в принципе можно оценить поэзию? Это как женщина. Истинная красота рождается индивидуальностью, которую способен заметить и оценить совсем не каждый мужчина, а только особый и столь же индивидуальный. Так и рождаются браки. Точнее, так они реализуются, а рождаются они на небе. Нет, ну есть, конечно, некие стандарты (светлые волосы, голубые глаза, фигура девяносто шестьдесят девяносто), но то, что нравится всем, – это уже попса и проституция. И уж точно такие браки или отношения не могут рождаться на небе, оттого и длятся совсем недолго. Наши с Сашей С. стихи были не попсой, хотя зачастую он и старался тогда что-нибудь написать на широкую публику. А потому и оценок здесь не может быть в

принципе. Стихи понравились моей жене, я достаточно ее знаю и уверен, что это не лесть, а значит, я не зря все это делал, для меня ее высшей оценки вполне достаточно.

Пожалуй, это был период наших самых тесных взаимоотношений с Сашей С. Причиной тому не только наши схожие интересы в творчестве, и не стоит думать, что мы, как одержимые, только и делали, что сочиняли стихи и читали их друг другу. Мы были обычными студентами, достаточно спокойно относившимися к учебе на первых курсах, а потому имевшими достаточно много свободного времени и жаждущими свободы, любви и приключений. Свободы было чересчур много, и это многих погубило: в дальнейшем они вместо продолжения учебы внезапно оказались в армии. В любви я всегда был слишком привередливым, а порой и просто брезгливым. Сашу С., как мне тогда казалось, тоже не устраивали классические взаимоотношения, и его оригинальность не позволяла быть достаточно любвеобильным. Что же до приключений, то они были всегда. Ну или почти всегда, пусть и безобидные, без тяжелых травматических последствий («Что же это за приключения?!» – может кто-нибудь возразить мне), но они были.

Это продолжалось не так уж и долго, поскольку после второго курса Саша С. ушел из института и впоследствии поступил в какой-то московский литературный университет. Это все выглядело очень красиво, возвышенно и логично по определению: имея глубокую склонность к литературе, к поэзии в частности, он не мог больше терять времени, заставляя себя изучать технические дисциплины, а непременно должен был бы реализовать себя в своем настоящем призвании, поэтому он вроде как принял решение бросить технический вуз и поступить в престижный столичный литературный университет. Ломоносов, не иначе. Жаль только, в Москву на маршрутке поехал, пошел бы пешком – цены бы ему не было. Но в моих глазах, а я был очень близок к нему в то время, происходило все намного проще. Как и многие студенты младших курсов, задурманенные вкусом внезапно нахлынувшей свободы, Саша С. в один момент просто не справился с учебным планом. У студентов было в порядке вещей двигаться по самой грани учебного процесса, в последний день или даже ночь писать полугодовую курсовую, а также, придя на экзамен и стоя у двери, пытаться хотя бы у кого-нибудь найти лекции и прочитать материал. Это было тоже своего рода приключением, но были и те, кто выпадал за эту грань. Саша С. оказался именно из тех, только, в отличие от всех остальных, он утверждал, что принял самостоятельное решение задолго до этого. Но, так или иначе, выглядело это очень убедительно и мощно, этаким поступок: просто взять и уйти из института.

Процесс поступления в литературный вуз тоже описывался им очень красочно, но, по моим сведениям, вместо сорока человек на место, как утверждал он, конкурса там практически не было, и процесс поступления не сопровождался сложностями.

Так или иначе, наше общение практически перестало иметь место, поскольку жили и учились мы в разных городах, писать письма на бумаге было сущей глупостью, а, поскольку компьютерный бум только еще набирал свои силы, возможности общения через электронные средства коммуникации не было. Была у меня один раз идея: отправить с почтовым голубем свое новое стихотворение на его суд, но потом меня быстро отпустило, и голубя я тоже отпустил. Стихи, кстати говоря, я еще писал какое-то время по инерции, но былого энтузиазма уже не было, а позже я и вовсе счел все это бредом.

Литературный университет Саша С., насколько я знаю, тоже так и не закончил. И предложения были тоже самыми наиблагороднейшими: вроде как кто-то из преподавателей не смог понять его творчество. Все это звучало очень пафосно, но уже как-то малоубедительно. Между нами образовалась огромная пропасть, разделяющая наши интересы. Я окончил университет уже женатым человеком и отцом своего первого ребенка и сразу же с головой кинулся в работу. Цели были самые благородные – достичь успехов и финансового благосостояния для своей семьи. Я много работал, а значит, и результат со временем не заставил себя ждать. С Сашей С. мы встречались время от времени, но это время нас разделяло. Он продолжал всем читать тот единственный стих, один из первых, который был наиболее удачным и который все давно уже знали наизусть. Я высоко ценю его творческий потенциал, но раскрыть его он так и не смог или не захотел. Поэтому, когда после всех этих благородных выпадов с литературным университетом он так ничего и не написал нового и по-настоящему стоящего, я перестал воспринимать его серьезно. Он продолжал быть оригинальным, но эта оригинальность, так подходившая молодому юноше, на уже повзрослевшем дядьке выглядела глуповато. А может быть, это я, увлекшись проблемами семьи и карьеры и абсолютно отдалившись от творчества, начал так все это воспринимать.

Однажды он совершил поступок, сохранивший мои симпатии к нему еще на долгие годы: он подарил мне свою картину. Не знаю, когда он начал писать картины. А может, это и громко сказано, что он начал писать, поскольку, кроме подаренной мне, ни одной его картины я больше не видел. Возможно, он что-то скрыл от меня? Нет, это невозможно. От меня он мог скрыть что угодно, только

не свое творчество. Да и вообще он не тот человек, который может что-то скрывать, особенно из своих достижений. Хвастун еще тот, Мюнхгаузен меркнет рядом с ним... Ладно, про картину я. Небольшого размера, сорок на пятьдесят или около того. Весь холст просто размазан мазками цвета экскрементов: что-то такое коричнево-зеленое, но с преобладанием все-таки коричневого. Наверняка это что-то символизировало. Редкие проблески зеленого наверняка символизировали зеленую траву и жизнь, а коричневое символизировало помет. Что ж, получается такой вывод, что дрянь в жизни победило? А для чего тогда я еще живу и стараюсь помогать людям? Нет, не так, смысл другой. Много коричневого – это действительно много дряни в нашей жизни, а маленькие проблески зеленого – это я! Это символизирует меня! Я здесь! Я живу и борюсь с дрянью!.. Конечно, вряд ли он вообще о чем-то таком думал, когда рисовал эту картину. Хотя зря. Если бы я ему рассказал все свои ассоциации и мысли, наверняка он бы возомнил себя художником, может, еще бы пару картин написал или для разнообразия поступил со временем в какой-нибудь университет художественных искусств и всем рассказывал бы, какой там был конкур и как он всех очаровал своей единственной картиной...

Мазки были не единственным содержанием нетленного полотна. Еще по центру прослеживались невыразительные глаза – все того же коричневого цвета (дрянь за нами смотрит!) – и над глазами суровые брови. Все бы ничего, но краска была не единственным содержанием картины. Еще была глина. Между глаз и чуть ниже располагался слепленный из глины и приклеенный на холст объемный нос, а еще ниже – подумать только! – рот. Из глины. Наподобие того, как мои дети, лет так трех от роду, катают пластилин между руками, и тогда получается такая палочка, а вот если ее еще так же небрежно свернуть в овалчик, то это точно будет рот для Сашиной картины.

Смех смехом, но картина мне очень понравилась. Эти несуразные мазки, эти грубо приклеенные куски глины – все это было по-настоящему неподражаемо, а значит, близко ко мне. Картина называлась «Сторож». Ничего глупее придумать было просто невозможно. Я оценил этот подарок и до сих пор ценю. Картина пережила несколько переездов, в течение которых я улучшал жилищные условия своей семьи. Каждый переезд глиняный рот и нос непременно отрывались, и каждый раз я бережно приклеивал их на место. Овальный рот раскололся на две половинки, но я приклеил их близко друг к другу, так что почти незаметно. Картина и сейчас висит у меня дома в моем рабочем кабинете. Повесить ее в других комнатах дома почему-то запрещает жена.

Саша С. после своей учебы так и остался в Москве и даже вроде где-то работал, по-моему, занимался сдачей-арендой недвижимости. Не знаю, насколько он преуспел в работе, но разница между его словами и реальностью все еще продолжала расти. При каждой встрече, особенно выпив, он начинал рассказывать небылицы про свое несусветное богатство, при том, что платить по счетам в ресторанчиках обычно мне приходилось за двоих, потому что, по случайному стечению обстоятельств, он потратил миллион долларов по дороге ко мне и поэтому теперь без денег. Я помню, когда купил свою первую машину: это была ВАЗовская «десятка». Не сказать, конечно, что это престижная машина, но для тогдашней бедной России и для нашего небольшого городка машина была солидной. И помню быструю реакцию Саши С. на это событие, который выдал, что тоже заказал себе машину, просто она не конвейерная, а изготавливается на заказ, поэтому вот-вот должна подойти. Это должен был быть «Ягуар спешиа эдишн». Естественно, что в ближайшие годы ни «Ягуара», ни какого-либо другого автомобиля у него не обнаружилось. Когда я начал строить свой первый дом взамен тесным квартирам, Саша С. при первой же встрече поведал, что прикупил себе по случаю несколько гектаров земли в Сочи на Красной Поляне и что вот уже совсем скоро закончится строительство его особняка, в который он перевезет свою маму и сразу же пригласит всех своих друзей. В Сочи я тоже так и не попал, как и никто из его друзей.

При прочтении этого рисуется образ обычного болтуна и хвастуна, не видящего никаких границ для своего вранья. Тогда я тоже так думал. Может быть, потому что сам был слишком увлечен карьерой, деньгами, финансовым благосостоянием. И, пожалуй, только сейчас я понимаю, что Саша С. был просто романтиком. Настоящим романтиком с большой буквы! И, может быть, даже последним... Тем романтиком, которого во мне убили деньги, но который сейчас начинает оживать. Я понимал это раньше, в студенческое время, когда мы читали друг другу стихи, но со временем мое восприятие жизни исказилось, я изменился и, конечно, давно перестал писать стихи, а Саша С. оставался прежним: он был романтиком и продолжал писать стихи...

В одну из наших встреч разница в нашем восприятии окружающей реальности достигла апогея, и мы просто перестали понимать друг друга и даже немного поссорились. Я больше не мог воспринимать его необоснованное хвастовство, а он не мог осознать внезапно свалившихся на меня всех мирских благ. В конце концов я просто открыто указал ему на полное отсутствие какого бы то ни было реального движения в его жизни, отсутствие семьи, детей, кола, двора и т. д.

И это изменило его жизнь, изменило до неузнаваемости. Мы не общались около года, и весь этот год он упорно работал. На удачу устроился работать в один из крупнейших российских банков, пошел учиться в МВА, женился, родилась дочка, прикупил совсем не новую, но дорогую и престижную машину. Когда мы встретились с ним снова, это был уже другой человек. Конечно, он остался хвастуном, но разница между его словами и реальной жизнью значительно уменьшилась: во-первых, появились реальные достижения в создаваемом им собственном благополучии, а во-вторых, вранье его уже не было столь откровенным. Мне, может быть, приятно осознавать, что я могу вершить человеческие судьбы и менять жизнь людей, но из всех перемен в его жизни я теперь могу одобрить только рождение дочери. Он стал слишком корыстным и завистливым, и почти все наши последующие разговоры в конечном счете сводились к деньгам и стоимости предмета обсуждения. Он перестал быть прежним романтиком, хотя иногда спьяну все еще пытался читать наизусть тот единственный удачный стих – из первых...

Мы и сейчас, конечно, продолжаем встречаться, ходим вместе в сауну и иногда просто созваниваемся. Но сколь быстро меняется мое сознание в сторону отвлечения от мирских благ (я, конечно, отнюдь не ушел в отшельники, и все созданные мирские блага сохранились, может, к сожалению), тем быстрее он стремится к деньгам, стирая все святое на своем пути.

* * *

В один из осенних вечеров я просто колесил по просторной Москве (кто живет в Москве, наверное, посмеялись над словом «колесил»: скорее, постоял в пробках) по каким-то делам. Осознание необходимости заботиться о семье все еще стимулировало мою деятельность, но все меньше и меньше, а потому еще до обеда я был свободен. Я находился в центре Москвы, и где-то в этом же районе, по моим представлениям, работал Саша С., поэтому я не должен был потратить на встречу много времени.

– Привет, – ответил он на звонок тоскливым голосом, сразу же после первого гудка.

– Здорова! Говорить сейчас можешь?

Я не знаю, откуда пошла такая мода и зачем я тоже ее подцепил, но с определенного периода времени в Москве любой телефонный звонок начинался с этого вопроса, независимо от того, кому звонишь, во сколько и зачем. Раньше собеседник просто сам предлагал перезвонить позже, ссылаясь на занятость, теперь же все задавали этот дурацкий вопрос в опережение.

– Да. Нормально все, слушаю тебя, – протянул он все тем же меланхоличным голосом.

Отлично, он меня слушает. Значит, пришло самое время подумать над тем, что я хочу ему сказать. Наверное, это выглядит достаточно опрометчиво: звонить и на ходу что-то придумывать, но, по сложившемуся опыту, заготовки обычно редко срабатывали, поскольку люди, озадаченные моей просьбой о деньгах, редко вели себя однозначно и предсказуемо. Значит, мне нужны деньги. Сколько? На какой период? Период, наверное, большого значения не имеет:

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/telyshev_aleksey/komu-ya-dolzhen-chast-1

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)